ИВ. ЛУКАШЪ

ВѢТЕРЪ КАРПАТЪ

ВОЗРОЖДЕНІЕ

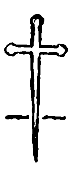
ИВАНЪ ЛУКАШЪ

ВѢТЕРЪ КАРПАТЪ

РОМАНЪ

Въ основѣ романа истинныя происшествія, разсказанныя верховинцемъ изъ Хуста

ОСИПОМЪ ОЛАСОМЪ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ВОЗРОЖДЕНIE“ — „LA RENAISSANCE“
73, avenue des Champs-Elysées, Paris-8ème
1938

I.

Горные дубы шумятъ....

Срубленными бревнами пробита по обрыву просѣка. Здѣсь катилась лавина, вырывая камни, кусты.

Коричневыя бревна, влажныя отъ сока, застряли кое-гдѣ на вѣтвяхъ темныхъ елей, увѣшанныхъ нѣжно-зеленымъ косматымъ мхомъ.

Песчаная тропа такъ узка надъ обрывомъ, что надо хвататься рукой за колючіе кусты малинника. Тропа завалена щепками и вѣтвями съ засохшими листьями. Отъ нихъ сильный, слегка горьковатый духъ. Малина краснѣетъ среди влажныхъ листьевъ, въ росѣ.

Далеко внизу, въ сѣроватоголубой дымкѣ, выблескиваютъ бѣлыя пятна селъ, желтыя ниточки дорогъ, зеленые квадраты пашенъ. Рѣка вьется кривой дорожкой, а вчера, когда ее проходили, рѣка была грозной, пѣнящейся.

Выше тропы, надъ лѣсомъ, подымаются, какъ воздушныя, синія видѣнія, вершины горъ. Тамъ полонины — луга, гдѣ лѣтомъ пасутся отары овецъ и табуны коней, а зимой гремятъ горныя вьюги.

Тамъ Карпаты...

По тропѣ идутъ небольшимъ караваномъ туристы. Съ ними два чешскихъ жандарма, съ короткими карабинами,

въ крѣпкихъ крагахъ, молодые, свѣтловолосые парни. Повидимому, они въ служебномъ обходѣ, оба важничаютъ и корчатъ суровыя мины старыхъ служакъ.

Туристовъ тоже двое. Трудно сказать, что ихъ притащило въ горы. На нихъ нелѣпыя куртки изъ зеленой толстой шерсти, они перегружены мѣшками, палками. Между селъ ихъ везутъ на лошадяхъ, а въ села они входятъ пѣшіе, чтобы люди не смѣялись: «хороши туристы, по горамъ на возу ѣздятъ».

Пятый въ караванѣ — молодая дѣвушка.

У нея тонкое, гордое лицо. Это венгерка и на карманѣ ея щегольского походнаго мѣшка, на визитной карточкѣ, вдѣланной въ кожу, можно прочесть ея имя: Елена Гичи.

Въ Будапештѣ хорошо знаютъ старую семью Гичи. Изъ поколѣнія въ поколѣніе Гичи были черными гусарами. Подъ клочьями венгерскихъ знаменъ, пробитыхъ пулями, многіе Гичи пали въ атакахъ за апостолическаго цезаря и габсбургскаго короля.

Всѣ Гичи были свѣтловолосые, легкіе и смуглые, съ породистыми лицами. Во многихъ сраженіяхъ мелькали ихъ черные ментики въ серебрѣ и мѣховыя шапки съ цезарскимъ орломъ, припавшимъ на одно крыло.

Но поколѣнія венгерскихъ гусаръ закончились молодой дѣвушкой: Елена Гичи была послѣдней въ родѣ.

На Карпаты, въ Мармарошъ, Гичи пріѣхала искать могилу отца.

Великая война ходила здѣсь пожаромъ. Сколько карпатскихъ селъ было разбито снарядами и окроплено кровью. Когда пронеслись сѣрые валы австрійскихъ и русскихъ войскъ, селяне долго еще убирали съ суровыхъ пашенъ мертвецовъ въ сѣрыхъ шинеляхъ: австрійцевъ, русскихъ, венгерцевъ. И сносили всѣхъ вмѣстѣ въ огромныя ямы братскихъ могилъ.

Венгерскаго гусара Гичи перваго полка-регименту, порубленнаго русскими драгунами, тоже погребли гдѣ-нибудь въ общей могилѣ. Елена вскорѣ поняла, что поиски ея напрасны.

Гордая и одинокая дѣвушка изъ Будапешта слегка презирала этотъ бѣдный Карпатскій край, лѣсной и соломенный, недавнюю провинцію Венгріи, отошедшую по своей волѣ къ Чехословакіи. Она уже скучала, что затѣяла такое путешествіе.

Свѣтловолосая венгерка, съ золотисто-синими глазами, напоминала своихъ предковъ гусаръ: она любила верховую ѣзду, была спокойна, безстрашна и любопытна къ приключеніямъ.

Но больше лошадей она любила старыя книги, старыя картины, а главное, у нея было свое, женственное, совершенно не гусарское, чувство щемящей вины передъ любымъ страданіемъ, даже самымъ маленькимъ, и передъ кровью.

Кромѣ того, какъ всѣмъ дѣвушкамъ ея лѣтъ, — ей шелъ двадцать третій годъ, — Еленѣ казалось, что молодость прошла, что она старѣетъ, и что она лучше всѣхъ на свѣтѣ понимаетъ людей и жизнь.

И все же, хотя она старѣетъ, но что то необыкновенно прекрасное еще ждетъ ее, должно съ ней случиться...

II.

Къ вечеру караванъ подошелъ къ горному селу Соймы.

Елена увидѣла бѣлѣющіе дома на отлогомъ зеленомъ лугу, деревянную, слегка покосившуюся, церковь со странными башенками, сѣдобородаго старика въ бѣломъ кожухѣ и широкой соломенной шляпѣ, ведущаго воловъ по дорогѣ, и горы за селомъ въ лиловатыхъ полосахъ свѣта, успокоенныя, нѣжныя, въ вечерней дымкѣ.

Пахло дымомъ и сѣномъ. Въ селѣ лаяли овчарскія собаки.

Изъ подъ навѣса корчмы на тоненькихъ столбикахъ, съ чешской надписью «Туристицкій Домъ», кланялся, показывая бѣлые зубы, чернобородый, похожій на жука, корчмаръ.

Братиславскіе туристы свалили въ кучу мѣшки, палки, еще какія то ни къ чему негожія горныя сооруженія и, кажется, не могли подняться съ травы. Жандармы стали пить ледяную воду у скрипучаго колодца.

Корчмарь повелъ Елену въ домъ, кланяясь и суетясь безъ толку:

— Сюда, кипасонька, сюда, ай, ясыня...

За нимъ, держась за полу пальто, — корчмарь былъ въ старомъ лѣтнемъ пальто и въ туфляхъ на босу ногу, — тащился хвостъ его измазанныхъ, черноглазыхъ и пейсатыхъ корчмаренковъ. У одного въ кулачкѣ былъ

хлѣбъ съ медомъ. Вокругъ дѣтской головы, похожей на войлокъ, звенѣли мухи, осы и пчелы, можетъ быть, со всей округи.

Въ низкихъ комнатахъ было грязно, душно. Пахло лукомъ-цибулей, фаршированной рыбой, чеснокомъ, чебрецомъ, керосиномъ-нафтой и еще чѣмъ то очень нехорошимъ. Вышла корчмарша, огромная, какъ возъ съ сѣномъ, всплеснула руками и радостно закричала на Елену. Такъ же закричало все корчмарское племя.

Елену провели въ узкій чуланъ, въ концѣ корчмы: тамъ была прикрытая бѣлымъ постель, похожая на дѣвичью. Изъ открытаго узенькаго окна пахло сѣномъ.

— Хорошо, я переночую здѣсь, — сказала Елена. — Принесите мнѣ воды и оставьте меня....

Жукъ въ лѣтнемъ пальто, болтая тощими руками и ногами, такъ засуетился, выпучивая глаза и шлепая своихъ Осекъ и Шмулекъ, что выбилъ младшему изъ грязнаго кулачка хлѣбъ съ медомъ. Малый Мойшель возопилъ во весь голосъ. Тучная Сарра захлопала въ ладоши, какъ гусыня крыльями, и выгнала все свое пейсатое племя вмѣстѣ съ супругомъ.

Уже вечерѣло. Елена закинула на дверь крючекъ. Она вымылась вся, залила половицы свѣжей водой. Это была стройная дѣвушка, съ холоднымъ и нѣжнымъ тѣломъ матовой бѣлизны.

Надъ постелью нашлось зеркало, съ отбитымъ кусочкомъ, засиженное мухами, съ бумажнымъ цвѣткомъ, воткнутымъ за раму.

Въ тонкомъ сумракѣ вечера Елена съ удовольствіемъ стала расчесывать волосы гребнемъ.

Она приказала убрать нечистый пуховикъ и принести сѣна. Она разостлала на сѣнѣ свѣжую простыню, какая нашлась въ дорожномъ мѣшкѣ.

Вдругъ она почувствовала, что кто то смотритъ на

нее. Елена накинула сиреневый халатикъ и обернулась на окно. Въ окнѣ стояла дѣвушка, вѣрнѣе подростокъ. Смуглая еврейка положила локти на подоконникъ и смотрѣла на Елену. На загорѣвшей шеѣ подростка свѣтилась нитка монистъ.

— Насмотрѣлась?

Еврейка поняла венгерскую рѣчь. Она не смутилась, закивала головой:

— Вотъ красивая панночка, кишасонько, такой и не видѣла никогда... Хотѣла бы я быть, какъ вы. На вашемъ мѣстѣ хотѣла бы быть, въ Будапештѣ жить.

— Не много ли сразу... Ну что же, забирайся въ комнату.

Босая еврейка почти безшумно, по кошачьи мягко, прыгнула въ окно, мониcты зазвенѣли. Видно, ей было это въ привычку.

— Кажется, я заняла твою комнату?

— Мою...

— Тебя какъ зовутъ?

— Рухля.

Блестящими глазами она безъ стѣсненія осматривала Елену, коснулась, даже погладила ея сиреневый халатикъ загорѣвшей рукой.

— Что же тебѣ мѣшаетъ, Рухля, еще побываешь въ Будапештѣ.

— Нѣтъ. Не бывать. Меня замужъ выдаютъ.

— Ты рада?

— Нѣтъ. Онъ паршивый...

— Какъ?

— Паршивый. Старый... Онъ меня отъ таточки куповалъ... Я несчастная.

Признаніе босой Рухли было неожиданно, но утѣшать ее не пришлось.

— А вы таточку вашего ищете? — съ любопытствомъ освѣдомилась она.

— Уже знаешь, откуда?

— Жандармы сказали... Но у насъ тутъ и могилъ нѣтъ. Всѣ казаки пограбовали.

— Какъ, и могилы?

— И могилы, — ни мало не смутилась Рухля. — Все, ну вотъ все, до крошки... Пожгли, побили, когда были... Казаки — у-у-у.

— Страшные? — Елена разсмѣялась.

— Таки страшные, таки — у-у-у, — съ хитрымъ ужасомъ разсмѣялась и Рухля.

— Но когда же ты видѣла казаковъ?

— Я... Ни... Я ихъ не видала. Таточка видалъ. Всѣ съ нагайками и головы псиныя...

— Свадьба твоя когда?

— Свадьба?... Развѣ я знаю... Смотрины-заручины сегодня... Онъ и музыкантовъ привезъ. Паршивый... Вамъ спать помѣшаютъ.

— Ничего... Ты смѣшная.

— Ахъ, кишасонько, я пойду, а то меня мама хватится....

Рухля, какъ кошка, головой впередъ, кинулась въ окно.

Потомъ въ дверь постучалъ корчмарь. Елена его не впустила: она отказалась отъ ужина, горькаго настоя, смѣси овощей, перца, цибули, чеснока.

Она слышала какъ въ корчмѣ шумятъ за подгорянскимъ пивомъ и серединскимъ виномъ туристы, какъ жандармъ небрежно, по начальнически, говоритъ что то корчмарю, а тотъ съ восторженной готовностью покрикиваетъ:

— Такъ, пане-капитане, ай — такъ...

На прохладной простынѣ, на сѣнѣ, Елена сладко

вытянулась, потомъ свернулась, по дѣтской привычкѣ, въ комокъ.

Въ глазахъ пошли туманно-зеленые горные луга, движущіеся лѣса, пропасти, долины, въ голубоватой дымкѣ воздуха и понесло ее, качая, выше, выше, къ синимъ вершинамъ Карпатъ.

Она заснула. И на этомъ кончилась прежняя жизнь Елены Гичи изъ Будапешта.

III.

Проснулась она глубокой ночью внезапно...

Шумѣлъ сильный, свѣжій дождь. Вѣтеръ заносилъ ей на лицо мокрую кисейную занавѣску открытаго окна. Отъ того она и проснулась.

Въ шумѣ дождя стукнула дверь, заколотилась гдѣ-то ставня. Елена услышала рѣзкій крикъ, что то упало со звономъ.

Кто то вылъ подавленно, глухо, точно толпа привидѣній зловѣще вопила въ горной корчмѣ.

Жестяная лампочка — лампашъ, которую корчмарша оставила у зеркала, давно погасла. Елена прислушалась. Это не дождь и не вѣтеръ: рядомъ кто то вылъ. Это было страшно. Дрожа отъ холода и тревоги, дѣвушка накинула черное платье, закрутила въ узелъ волосы.

Она толкнула дверь въ сосѣднюю комнату. Тамъ спальня корчмаря.

Пусто. Съ деревянной кровати, намазанной керосиномъ отъ клоповъ, сброшенъ тюфякъ, пухъ низко летаетъ по комнатѣ. На стѣнѣ коптитъ жестяная лампа, красноватый жгутъ копоти тянется по стеклу. Посреди душной комнаты, гдѣ подъ бѣленымъ потолкомъ черными роями жужжатъ встревоженныя мухи, опрокинутъ вверхъ ножками вѣнскій стулъ.

Именно этотъ стулъ убѣдилъ Елену, что близко

происходитъ что то ужасное. Она открыла дверь въ самую корчму и остановилась на порогѣ.

Точно увидѣла она невѣроятный сонъ съ черными тѣнями, кривляющимися на прокопченныхъ балкахъ потолка.

На полу стоитъ свѣча въ мѣдномъ подсвѣчникѣ. Рядомъ поблескиваютъ цимбалы съ разсыпанными желѣзными пластинками. Къ стѣнѣ, въ углу, прислоненъ опрокинутый столъ. На немъ распростертъ человѣкъ.

Рыжій, съ длинными пейсами, въ черномъ сюртукѣ, съ оборваннымъ воротомъ, съ тяжелымъ, тугимъ лицомъ, посинѣвшимъ отъ ужаса, съ выкаченными глазами, — какъ удавленникъ.

Въ другомъ углу жмется темная куча людей. Тамъ Сарра, корчмарь, музыканты, у одного въ скорченной рукѣ качается скрипка. Тѣнь руки со скрипкой ходитъ по набѣленной стѣнѣ, какъ кривая паучья лапа.

Передъ сбившейся человѣческой кучей стоитъ карпатскій горецъ, верховинскій парень въ кожухѣ и въ бѣлой рубашкѣ съ голубыми пуговицами, въ ременныхъ постолахъ, въ рукѣ тусклый ноганъ. Другой верховинецъ, въ узкихъ, красныхъ штанахъ, съ карабиномъ, стоитъ у дверей. Тамъ, въ потемкахъ, отблескиваютъ очки братиславскихъ туристовъ.

Надъ восковой свѣчей стоитъ третій, въ широкомъ красномъ поясѣ, бѣлая рубаха вышита синими, красными разводами. Снизу освѣщено его молодое лицо. Онъ раскачиваетъ въ рукѣ ножъ. Ножъ высверкиваетъ, блистаетъ.

Онъ размахнулся и швырнулъ ножъ въ рыжаго, распростертаго у стола.

— Кто убилъ? — крикнулъ рѣзко верховинецъ. — Говори, кто!

Ножъ со звономъ ударилъ въ столъ, вонзился. Ры-

жій человѣкъ задергался молча, какъ папочный плясунъ.

— Такъ я разсѣку тебѣ голову, лингарь... Подай ножъ, Федоро.

Верховинскій парень въ кожухѣ, съ ноганомъ, — это былъ подростокъ, — вырвалъ изъ стола ножъ, обернулся и увидѣлъ въ дверяхъ Елену.

На блѣдномъ лицѣ мальчишки-овчара мелькнуло изумленіе, ужасъ, онъ выронилъ ножъ и перекрестился:

— Оленка...

Всѣ три разбойника быстро посмотрѣли на Елену.

Съ холодной смѣлостью дѣвушка оглядѣла этихъ горныхъ овчаровъ — грабителей, и сказала тому, кто бросалъ ножъ:

— Что ты дѣлаешь? Ты сошелъ съ ума... Злодѣй.

Точно того и ждали цимбалисты, скрипачи, Сарра: всѣ завыли, закричали отчаянно.

Въ потокѣ горячихъ воплей Елена могла разобрать, что рыжій ничего не знаетъ, не за что въ него швырять ножемъ, — пусть лопнутъ его глаза, вырвутъ языкъ, — онъ не знаетъ, кто убилъ старика изъ Воловаго.

Рыжій дрожалъ, дергался, по разсѣченной щекѣ сочилась кровь. «Вѣроятно, женихъ Рухли», — подумала Елена.

Верховинецъ, бросавшій ножъ, съ изумленіемъ, пристально смотрѣлъ на Елену. Потомъ усмѣхнулся, лицо снова стало жесткимъ, упорнымъ.

— Всѣхъ загнать по мѣстамъ. Руки вверхъ!

Рябой разбойникъ въ красныхъ штанахъ сильно толкнулъ Елену въ уголъ, задѣлъ руку прикладомъ.

— Холопъ, — бросила ему Елена, потирая руку.

Красноштанный даже не обернулся.

Вдругъ отбросило дверь на улицу, съ порывомъ вѣтра въ корчму кинулся дождь, туманъ.

Свѣча на полу погасла. Еще кто-то вошелъ, стуча

карабиномъ. Съ мокраго кожуха слышно стекала вода. Онъ что то сказалъ быстро, гортанно.

Попадали скамьи, стулья. На Елену накинули мокрую овчину, кто то толкнулъ ее къ дверямъ. Ее вывели подъ дождь, на дворъ. Въ темнотѣ, по отблескивающимъ очкамъ, она узнала братиславскаго туриста.

— Насъ уводятъ, — бормоталъ онъ по мадьярски. — Это возмутительно... Они связали мнѣ руки.

— Ихъ что-то спугнуло, — прошептала Елена. Ей не было страшно, она съ гордымъ любопытствомъ ожидала, что будетъ дальше.

— Конечно, спугнуло, — бормоталъ братиславскій чиновникъ. — Они обезоружили, заперли жандармовъ, взяли ихъ форму, двѣ пары жандармскихъ сапогъ... А жандармы бѣжали босые.

Въ корчмѣ, когда разбойники увели туристовъ, рыжій человѣкъ въ изодранномъ сюртукѣ упалъ бокомъ на вѣнскій стулъ, сильно дернулъ себя за пейсы и завылъ неожиданно тоненькимъ, плачущимъ голосомъ.

Тогда изъ подъ Сарры, точно изъ пещеры, выползло все ея племя и мужъ, тоже умостившійся гдѣ то за нею, на корточкахъ. Рыжій и цимбалисты, скрипачи, Сарра, корчмарята, какъ хоръ аттической трагедіи, выступившій, наконецъ, на сцену, подняли дикій вопль на все село.

Рухля, перебирая мониста, молча стояла у стѣны.

Съ прискаленными зубами она съ ненавистью смотрѣла на рыжую голову жениха, какъ будто жалѣла, что ножъ миновалъ голову горнаго злодѣя.

IV.

Туманъ хлопьями виситъ на кустарникѣ.

Они идутъ гуськомъ по каменистой тропѣ вверхъ. Справа открылся провалъ ущелья. Туманъ клубится тамъ, какъ море, непроницаемое, угрюмое.

Еще ночью, когда ихъ везли верхами, Елена почувствовала, что кто то снимаетъ ей съ ноги башмаки. «Неужели заставятъ итти босой», подумала дѣвушка.

Теперь на ея ногахъ были ремянныя овчарскія постолы. Она была, вѣроятно, смѣшна въ своей спортивной кожаной курткѣ и въ огромной обуви пастуха съ чужой ноги.

Забавнѣе всего, что постолы были надѣты задниками впередъ. Передъ ней шелъ тотъ самый верховинецъ, кто вчера бросалъ ножъ въ корчмѣ. Его мокрыя постолы, облѣпленныя грязью и травой, тоже были надѣты впередъ пятками.

Елена усмѣхнулась и закашлялась отъ тумана.

— Невелика хитрость, — сказала она.

Поводырь обернулся. Елена указала на постолы:

— Военная хитрость, не такъ ли? Но не трудно догадаться.

— А жандармы вотъ не догадываются.

Разбойникъ улыбнулся во всѣ бѣлые зубы, совершенно по дѣтски. У него были озябшіе сѣрые глаза:

— Мы водимъ васъ вверхъ, внизъ, по тропамъ,

безъ тропъ... А всегда какъ будто не въ ту сторону, куда идемъ... Жандармы никакъ не догадываются.

— Дурни же ваши жандармы.

— То не наши, то чешскіе.

Руки Елены были связаны тонкой веревкой, за которую велъ ее разбойникъ.

— Освободите мнѣ руки. Глупо же, наконецъ.

— Можно.

Они говорили по венгерски. Онъ развязалъ мокрую веревку. Она потерла запястья.

— Зачѣмъ вамъ понадобилось уводить насъ въ горы?

Верховинецъ посмотрѣлъ на нее сѣрыми, свѣтлыми глазами и молча началъ насыпать изъ кисета табакъ на бумажку.

— Еще далеко итти? Я устала.

Поводырь не отвѣтилъ. Они вошли въ лѣсъ. Тамъ было холодно и темно. Среди камней, во мху и въ ямкахъ, дорожками лежалъ неоттаявшій снѣгъ.

А когда они вышли изъ лѣса, ослѣпило солнце. Свѣжій вѣтеръ сгонялъ съ тропы бѣлыя облака тумана. Они стали подыматься въ облакахъ, вдоль каменистаго, шумящаго ручья.

Еленѣ уже недоставало дыханія, а они все подымались.

■●■

Такъ они вышли на горную полонину, гдѣ качалась подъ вѣтромъ высокая мокрая трава. Въ травѣ, сверкая, бѣжалъ ручей. Надъ головой синѣло огромное небо.

Небо, трава и вѣтеръ.

У ручья низкій шалашъ изъ сухого ивняка, колиба овчаровъ, у шалаша свѣже-обструганное корыто. Въ

травѣ ходили горныя овцы и козы. Ихъ бѣлая, недавно состриженная, мягкая шерсть ярко вспыхивала на солнцѣ.

Въ травѣ шумѣлъ горный вѣтеръ и это было похоже на пѣніе молитвы, на «аллилуйя».

Елена сѣла у колибы. Подальше два братиславскихъ туриста въ помятыхъ зеленыхъ курткахъ возились со своими громоздкими мѣшками. Все это было и жалко, и смѣшно: плѣнники разбойниковъ...

Кругомъ полонины, по ребрамъ горъ, бѣлыми бороздами, свѣжо сіяя, лежали горные снѣга. Съ края полонины открывалась величественная пропасть. Богъ знаетъ гдѣ, внизу, въ долинѣ, свѣтло дрожалъ, отблескивалъ солнечный туманъ. Елена была такъ высоко, что у нея слегка закружило голову, дыханіе ускорилось: здѣсь рѣже прозрачный воздухъ.

Ея поводырь подошелъ съ бѣдной деревянной миской. Тамъ былъ свѣжій творогъ и кукурузный хлѣбъ. Въ другой рукѣ былъ овсяникъ и кумырда въ горшкѣ, кукурузная каша на сметанѣ.

— Покушайте, панночко...

Онъ сбросилъ съ плеча бѣлый кожухъ на траву, разставилъ на немъ снѣдь.

Елена не отказывалась. Все это было такъ просто, такъ не похоже на плѣнъ у карпатскихъ разбойниковъ, что она безъ страха стала разсматривать верховинца:

— У меня нѣтъ папиросъ, или вы ихъ тоже отобрали...

— Мы ничего не брали, попробуйте, когда не погордитесь, нашего карпатскаго табаку.

Ей было весело и не противно, какъ онъ свернулъ ей сигаретку загорѣлыми, довольно тонкими руками.

— Скажите, но зачѣмъ вамъ понадобилось тащить меня въ горы?

— Жандармы могли насъ застигнуть въ корчмѣ...

Мы не успѣли тамъ разобраться въ добычѣ... У двухъ вашихъ спутниковъ мы чекъ взяли: надо получить по чеку.

— Но я то при чемъ? У меня ничего нѣтъ съ собой, кромѣ дорожнаго вздора.

Верховинецъ промолчалъ.

— И потомъ, это странно, — сказала Елена. — Вы меня за кого то приняли... Я слышала, какъ одинъ изъ васъ назвалъ меня Оленкой, даже перекрестился. Что это значитъ?

— Такъ, ничего... Мало ли что ночью можетъ почудиться.

Горецъ внимательно посмотрѣлъ на Елену. На мгновеніе его суровый взглядъ заставилъ ее отвести глаза. Она оправила волосы.

— Надѣюсь, вы теперь видите, что обознались?

— Вижу.

Онъ наивно улыбнулся, блеснули зубы. Просто не вѣрилось, что это тотъ самый разбойникъ, кто бросалъ вчера ножъ въ человѣка.

— Кто вы такой? — не безъ любопытства спросила Елена.

— Я кто? А я Илько Лепей, можетъ, слышали?

— Постойте, я читала... Лепей... Въ газетахъ было... Вы кого то убили, потомъ бѣжали изъ тюрьмы.

— Да, съ каторги бѣжалъ. Но я никого не убивалъ. Это не вѣрно.

— А теперь скрываетесь въ горахъ и грабите. У васъ цѣлая шайка. Я читала: за вами тысячу жандармовъ послали изъ Праги.

Онъ весело разсмѣялся, закивалъ головой:

— Вотъ это вѣрно: легіонъ жандармовъ прислали... Видите, какой я страшный, Илько Лепей.

— А у того, рыжаго, вы деньги выманивали въ корчмѣ?

— Зачѣмъ деньги... Я правду хотѣлъ знать.

Елена читала гдѣ то, что убійцы, каторжане, бываютъ обычно хвастуны, лгуны, и не считаютъ себя виноватыми. Этотъ убійца и каторжанинъ тоже, вѣроятно, будетъ лгать и красоваться передъ ней. Но верховинецъ молчалъ.

— А васъ Рухля на корчму навела?

— Нѣтъ, мы сами пришли.

Лепей улыбнулся:

— Правда, она намъ жаловалась на рыжаго... Но сами пришли, я думалъ отецъ съ женихомъ пріѣдетъ, а пріѣхалъ только рыжій... Онъ, пожалуй, и не могъ знать, кто убилъ.

— О чемъ вы говорите?

Лепей посмотрѣлъ на нее и поднялся съ травы:

— Извините, кишасонько, когда не понравился нашъ бѣдный овчарскій обѣдъ.

— О, спасибо... Очень понравился.

— Пойду къ вашимъ спутникамъ навѣдаться, какъ они отобѣдали...

Елена осталась одна. Козленокъ, потряхивая хвостикомъ, попрыгивалъ близко. Прохладно и звонко журчалъ ручей. Все было похоже на свѣжій сонъ. Гдѣ то зажурчала деревянная сопѣлка, жалѣйка или губная гармоника овчара.

Вѣтеръ обдавалъ тихой свѣжестью все тѣло дѣвушки, шевелилъ волосы. Она съ удовольствіемъ протянула ноги въ траву...

V.

Ее разбудило горячее солнце.

Кто то накрылъ ей лицо соломенной овчарской шляпой, когда она спала. Она отодвинула шляпу и сѣла въ траву.

Мирная синева, ручей, козленокъ — внезапно все показалось ей страшнымъ, невыносимымъ. Эта вершина — тюрьма. Разбойники не даромъ увели ее въ горы, ее ждетъ здѣсь ужасная судьба.

Она оправила смятую кофточку, стремительно поднялась на ноги. Козленокъ сталъ на заднія ноги, оглянулся, заблеялъ. Елена побѣжала, сама не зная куда. Весь этотъ мирный горный рай — обманъ; ее ждетъ здѣсь мучительство. Она прыгала по мокрымъ камнямъ, черезъ ручей, выбѣжала на сырую, вязкую поляну. Громадной, дышащей холодомъ стѣной, въ концѣ поляны стоялъ снѣгъ. Въ немъ съ яростью прорывался ручей.

Елена вскарабкалась на снѣгъ. За нимъ была туманная, выкидывающая брызги, пропасть. Ручей падалъ водопадомъ въ отвѣсную разсѣлину. Отсюда не уйти.

По хрустящему снѣгу она вернулась на поляну. Къ ней сверху шелъ Лепей. Его бѣлая рубаха съ голубыми пуговицами ослѣпительно сверкала на солнцѣ.

— Немедленно отпустить меня! — бросилась къ нему Елена. — Слышишь, немедленно...

Отъ солнца и гнѣва ея синіе глаза казались золотисто-лиловыми, отъ гнѣва шевелились губы.

— Я понимаю, зачѣмъ вы затащили меня въ горы... Но если только коснетесь меня, я дня не буду жить, я сама задушу себя, кинусь въ пропасть... Лучше теперь же убей меня, злодѣй!

Елена двумя руками схватилась за костяную рукоять ножа, торчащую изъ его краснаго череса-пояса. Съ силой, какъ желѣзными обручами, Лепей обхватилъ руки Елены, разжалъ ихъ.

— Сразу видно венгерка... — сказалъ онъ съ усмѣшкой. — На ножъ готова бросаться... А я, какъ Богъ святъ, подумалъ въ корчмѣ, что оборотень... Ну, когда не Оленка, моя покойная жена, такъ родная ей сестра, вотъ какъ похожи... И всѣ мы подумали: оборотень... Вѣтерницы что съ вѣтромъ летаютъ, — конечно, одни наши темные селяне такъ говорятъ, — оборачиваются, говорятъ, горныя вѣтерницы и кажутъ себя тѣмъ, кто тоскуетъ, чтобы еще горше сердце болѣло, чтобы душа у человѣка запеклась отъ тоски...

— Такъ я вѣтерница? — усмѣхнулась Елена.

— Нѣтъ, то у насъ по селамъ о вѣтерницахъ говорятъ... А вы, панночко, вѣрно, очень похожи на покойницу мою... Всѣ думали, никогда не вернется Илько. А я бѣжалъ съ каторги. И вернулся въ родное село.

Онъ смотрѣлъ передъ собой, забывая свернуть сигарету, хотя уже насыпалъ на бумажку табакъ. Его глаза стали прозрачнѣе, свѣтлѣе. Онъ вспоминалъ:

Былъ честный человѣкъ. А вернулся каторжникъ и убійца. Кому страшно не станетъ... Домой я ночью пробрался, въ дождь. Грязный весь, жесткой бородой обросъ, въ лохмотьяхъ. Одно слово — каторжный. Вошелъ я въ темныя сѣни, стою. А она, какъ увидѣла меня, вскрикнула, на мнѣ замерла. Очень, я думаю, она

тогда испугалась. Сердце ея не вынесло. И очень она боялась таить, прятать меня отъ жандармовъ. Жандармы меня искали въ селѣ. Оленка меня въ подпольѣ таила. А сама дрожитъ, всегда дрожитъ отъ страха. Я думаю, отъ страха она и умерла...

Верховинецъ закурилъ. Елена подумала: «все это правда, что онъ разсказалъ». Такая лютая тоска была въ словахъ этого человѣка, точно для одного того, чтобы разсказать объ Оленкѣ, онъ и привелъ ее въ горы.

Она повѣрила ему, пожалѣла, но не знала, что сказать въ утѣшеніе. Потомъ вспомнила, какъ отецъ очень давно, въ дѣтствѣ, говорилъ ей, почему то всегда шепотомъ, о Карпатахъ, училъ ее какимъ то страннымъ, длиннымъ, пѣвучимъ словамъ молитвы и просилъ, чтобы она ее помнила.

Елена слабо улыбнулась и сказала по русски, не понимая:

— Отче нашъ... Иже еси на небесѣхъ... Да будетъ воля Твоя.

— Вы знаете нашъ русскій языкъ?

— Только это. Больше ничего. И то не понимаю и трудно выговорить. Меня отецъ училъ.

— Онъ былъ нашего народа, съ Карпатъ?

— Нѣтъ. Венгерецъ. И дѣдъ венгерецъ, и прадѣдъ. Но, можетъ быть, кто то и былъ когда-нибудь изъ карпатскаго народа въ нашемъ роду. Можетъ быть, есть во мнѣ капля карпатской крови, не знаю...

Они медленно шли по полянѣ, Лепей разспрашивалъ ее съ вѣжливымъ и наивнымъ любопытствомъ селянина.

— Я слышалъ, вы искали могилу отца.

— Да.

— Много воиновъ легло на Карпатахъ. Не найти.

— Я тоже думаю.

— А что же, у васъ въ Будапештѣ домъ есть, или имѣніе?

— Домъ.

— У насъ на Карпатахъ и теперь много венгерскихъ имѣній осталось. Лѣса. На охоту ѣздятъ... У насъ тутъ и венгерскаго Гембеша земли есть, и фонъ Папена есть имѣніе. Пишутъ, онъ сталъ министромъ германскимъ.

— Скажите, а вы...

Елена слегка смутилась, боялась его обидѣть:

— А вы грамотный, умѣете читать и писать...

— Немного умѣю. — Лепей улыбнулся. — Я секретаремъ былъ у нашего депутата Ивана Куртяка. Его Іуды-доктора въ Севлюшевой больницѣ отравили... Долженъ я былъ экзаменъ сдавать за гимназію въ Хустѣ, да вотъ на каторгу угодилъ...

— Но гдѣ же вы по венгерски научились?

— Въ нашихъ селахъ изстари говорятъ по венгерски, какъ по русски.

— А ножъ, какой вы въ рыжаго бросали...

— Ножъ?

— Ну да, ножъ... Этому вы, вѣроятно, гдѣ нибудь въ кино научились, въ американской драмѣ видѣли.

Лепей засмѣялся:

— А что же, можетъ тамъ и видѣлъ. У меня другого оружія нѣтъ. Всѣ страшатся ножа Илько Лепея.

Уже темнѣло, воздухъ сталъ холоднѣе. Въ горахъ, далеко, глухими раскатами катилась гроза.

«Неужели я останусь здѣсь ночью?» — съ мгновеннымъ ужасомъ подумала Елена.

— Послушайте, снова говорю вамъ: отпустите меня... И если это вѣрно, что я похожа на вашу покойную жену, если...

Голубоватая молнія вдругъ освѣтила остроносое

блѣдное лицо Лепея, вѣтеръ сильно затрепалъ имъ волосы. Дикая, странная мысль мелькнула у нея:

— Если вѣрно, если правда, что я Оленка и пришла сюда, въ горы, на мгновеніе, чтобы утѣшить васъ... А ты замучаешь Оленку...

Она кричала, потому что вѣтеръ относилъ ея слова:

— И я убью себя отъ стыда и мученій, тогда будешь проклятъ на-вѣки людьми, горами, Карпатами, тогда моя тѣнь никогда не отойдетъ отъ тебя...

Ея крикъ былъ, какъ заклинаніе.

По блѣдному лицу Лепея, освѣщаемому голубоватой молніей, бродила странная улыбка.

«Все это не лишено романтизма», — съ насмѣшкой надъ собой подумала Елена. — «Громъ, молнія, а я пугаю разбойника какими то дурацкими заклинаніями».

Она повернулась и быстро пошла.

Ивовая дверь въ овчарскую колибу, гдѣ она сидѣла днемъ, была пріоткрыта. Елена вошла, согнувшись, и приперла дверку камнемъ.

Въ колибѣ, на сѣнѣ, была раскинута овчина. Было душно отъ сѣна. Самое страшное начиналось теперь. Елена приготовилась ко всему.

Гроза была безъ дождя. Иногда молнія голубовато и дымно освѣщала ей руки. Въ ущельѣ молнія разбивалась с скалы и жгла деревья. «Я должна умереть раньше, чѣмъ кто нибудь подойдетъ ко мнѣ». Елена закрыла лицо руками. Она не могла представить, какъ будетъ умирать.

А дверка шалаша слегка пошевелилась. Елена обернулась съ тонкимъ крикомъ. Въ дверяхъ стоялъ Лепей.

— Что вы, панночко, я васъ испугалъ... Я мѣшокъ вамъ принесъ. Это вашъ мѣшокъ?

Онъ освѣтилъ мѣшокъ ручнымъ фонарикомъ.

— Мой.

— А палка?
— Моя.
— У васъ больше ничего не было?
— Ничего.
— Тогда идите.
— Куда?
— Идите, сказано вамъ.

Елена выбралась изъ шалаша. На небѣ были звѣзды, а гдѣ то ниже, какъ ей показалось, ворчалъ громъ. Горная гроза уже промчалась.

— Идите за мной, — приказалъ Илько.

Онъ шелъ впредъ, не оглядываясь, несъ ея мѣшокъ и палку. Они по камнямъ перебрались черезъ ручей. Камни въ мокромъ блескѣ, бѣгучая вода въ лунномъ сіяніи.

Они вошли въ лѣсъ. Темно и холодно стало отъ елей. Какъ будто звенѣлъ чистый воздухъ горной ночи, подернутый дымкой луннаго сіянія. Между папоротниковъ, серебристо-таинственныхъ, вилась внизъ узкая козья тропа.

Еленѣ казалось, что они не одни съ Лепеемъ въ лѣсу, что рядомъ идетъ кто то. Она слышала чье то сильное, спокойное дыханіе, раза два хрустнула вѣтка. Какая то горбатая тѣнь въ лунной дымкѣ скользила за деревьями.

Потомъ сбоку тропы открылась пропасть. Ели свѣшивали туда громадные черные корни, какъ чудовищныя лапы.

Въ глубинѣ пропасти туманно сіяла долина, озеро внизу было похоже на кривой турецкій ятаганъ дрожащаго серебра.

— По камнямъ идите налѣво, — обернулся впервые Лепей. — Выйдите къ скату. Тамъ тропа. По ней дойдете до стога сѣна. Тогда пойдете направо. Все направо. Вы поняли, панночко?

— Да.

— Тамъ дорога видна. На дорогѣ увидите сторожку лѣсника. Стучитесь, не бойтесь. Тамъ женщины есть... Васъ проводятъ оттуда въ Хустъ.

Онъ подошелъ къ ней ближе, въ его глазахъ тоже было лунное сіяніе:

— Я не могъ васъ вывести днемъ... Жандармы могли замѣтить. Меня пристрѣлили бы... Вы не боитесь итти дальше одна?

— Не боюсь.

Она протянула ему руку, блеснувшую слегка, и сказала:

— Прощайте, спасибо вамъ.

Лепей наклонился и по сельскому обычаю поцѣловалъ руку панночки:

— Мѣшокъ не тяжело будетъ нести?

— Нѣтъ, ничего... Прощайте.

— Прощайте.

Она стала быстро уходить. Потомъ оглянулась.

И ей показалось, что она видитъ сонъ: Лепей, въ верховинской бѣлой рубахѣ съ синимъ шитьемъ, ярко синимъ отъ луннаго свѣта, стоялъ подъ дубами.

А къ нему подошелъ медвѣдь.

Безъ сомнѣнія, это былъ горбатый мягко-лапый медвѣдь. Онъ легъ рядомъ съ верховинцемъ и тоже смотрѣлъ какъ она уходитъ все ниже, по травѣ.

Илько Лепей сѣлъ на медвѣдя верхомъ и звѣрь понесъ его выше, выше, въ громадный лѣсъ, на Карпаты, охваченныя воздушнымъ сіяніемъ.

VI.

Въ отелѣ «Русскій народный гостинецъ», въ Хустѣ, Елена Гичи съ удовольствіемъ порылась въ своихъ чемоданахъ, остававшихся здѣсь. Ей было пріятно переодѣться въ легкій городской костюмъ.

Она расплатилась съ хозяиномъ и наняла экипажъ къ вокзалу.

Вчера усатый чехъ-чиновникъ часа два записывалъ ея показанія въ полиціи. Но она ничего толкомъ не могла разсказать, а ей самой очень хотѣлось знать, что сталось съ двумя братиславскими туристами:

— Да они въ Мукачево пришли, — сказалъ чехъ. — Вы въ Хустъ, а они въ Мукачево... Это Лепей путаетъ слѣдъ... Оба здоровы, оба по чеку заплатили, отъ обоихъ отобрали запасные мѣшки, палатки.. Лепей и его бандиты позволили себя сфотографировать. Васъ, вѣроятно, потому и держали въ горахъ, что нельзя было отпустить раньше, одну, прежде чѣмъ они не получили по чеку, мошенники...

Въ тотъ же день Елена рѣшила уѣхать въ Будапештъ.

До отхода поѣзда было полчаса. На вокзалѣ она сѣла на деревянную скамью, въ залѣ ожиданія. Мимо прошелъ старый овчаръ, опираясь жесткими, потемнѣвшими отъ солнца руками на палку. Овчаръ остановился подъ казеннымъ объявленіемъ и началъ его читать, за-

мѣтно шевеля губами. Сивые волосы свисали ему на глаза. Елена посмотрѣла на него и сердце сжалось.

Она узнала свѣтлые молодые глаза подъ нависшими бровями. Глаза улыбались. Это былъ Лепей.

Елена стала съ нимъ рядомъ, подъ объявленіемъ.

№ 1: Земскій Урядъ въ Ужгородѣ обѣщаетъ 20.000 кронъ за поимку Илько Лепея и Юрко Клевца, бѣглыхъ каторжниковъ.

№ 2: 50.000 кронъ за поимку шайки Лепея.

— Я узнала васъ, — прошептала Елена. — Мнѣ стоитъ только позвать жандарма...

Овчаръ, не оглядываясь, читалъ. Только глаза улыбались.

— Зовите, — прошепталъ онъ.

Мимо проходили носильщики, крестьянки съ корзинками, изъ которыхъ торчали желтые утиные носы, сновали пассажиры, у одного въ мѣшкѣ визжалъ поросенокъ извѣстной здѣсь монгольской породы.

— Зачѣмъ вы спустились въ городъ?

— Я посылалъ корреспонденцію въ газету.

— Ничего не понимаю.

— Маленькую статейку, какъ васъ, панночко, и тѣхъ двухъ волоховъ увелъ въ горы. Я посылаю изрѣдка въ Прагу, въ газету. Такъ вретъ обо мнѣ эта газета, какъ будто ее наняли врать... А я описываю правду. какъ было. Все описалъ, какъ насъ фотографировали тѣ туристы, какъ вамъ понравилась овчарская колиба...

Елена невольно улыбнулась.

— А потомъ и о васъ, панночко, провѣдать хотѣлъ: хорошо ли добрались до Хуста.

— Какъ видите, хорошо.

Въ стеклянную дверь на перронъ быстро прошли три жандарма, въ синихъ мундирахъ, въ каскахъ, винтовки на лѣвомъ плечѣ.

Елена и Лепей замолчали.

— Меня ищутъ, — лукаво подмигнулъ Лепей, и добавилъ: — А вы спѣшите: поѣздъ сейчасъ отойдетъ...

Елена пошла къ дверямъ, повернулась круто:

— Слушайте, но это мнѣ показалось, что васъ унесъ въ горы бурый медвѣдь?

— Такъ и есть. Онъ ручной...

Елена быстро ушла.

Когда ея вагонъ проходилъ мимо стеклянныхъ дверей вокзала, за ними стоялъ старый овчаръ въ соломенной рваной шляпѣ. Его молодые глаза улыбались.

Въ купэ Елена забросила было на верхнюю полку походный мѣшокъ, который былъ съ нею въ горномъ плѣну, потомъ развязала: все ли на мѣстѣ?

Все было украдено, всѣ ея дорожныя мелочи, золотая пудреница, записная книжка въ серебряномъ переплетикѣ, эмалевый тоненькій портсигаръ, кошелекъ съ мелочью, даже зеркальце и платокъ.

Дѣвушкѣ стало стыдно, что она съ довѣріемъ говорила съ этимъ карпатскимъ грабителемъ, оказавшимся такимъ ничтожнымъ, мелкимъ воришкой.

VII.

Пряжевщина, на западѣ, Марморошъ, на востокѣ, рождаютъ сильныхъ людей. На Пряжевѣ рождались такіе карпатскіе поэты, какъ Духновичъ и Попрадовъ, на Марморошѣ рождались карпатскіе витязи: старый Пинтя, когда то разбившій деревянными пушками и каменными ядрами Хустскій замокъ, Довбушъ, согнавшій волоховъ съ Карпатъ, и Никола Шугай, праведный защитникъ карпатскаго народа, — всѣ были верховинцами съ Мармороша.

Изъ рода въ родъ помнятъ ихъ Карпаты и поютъ о нихъ сказанія и древнюю славу...

■●■

Илько Лепей былъ селяниномъ съ Верховины, изъ Марморошскаго села Волевого.

Хлопецъ Илько ходилъ съ батькой въ поле орать на волахъ.

Облака шли за ними по синему небу. Высоко стояли синія горы. Такой же загорѣвшій, какъ отецъ, и въ соломенной шляпѣ, Илько покрикивалъ по карпатски на серебристыхъ, мирно дышащихъ, воловъ:

— Говъ-говъ, ча-ча...

Илько посылали и въ горы съ овчарами на полонины пасти овецъ и козъ, въ высокія, сильныя травы.

Былъ Илько, верховинскій овчаръ, какъ тысячи его сверстниковъ, бѣдняковъ изъ горнаго села.

Семья Лепеевъ большая, въ хатѣ - хижѣ тѣснота, но выбѣлены стѣны и бумажныя розы, бѣлыя, синія. красныя, — украшаютъ икону Матери Божьей. Передъ Нею теплятся коричневыя, тонкія свѣчи, пахнущія воскомъ и медомъ. По деревяннымъ полкамъ блестятъ расписанныя цвѣтами тарелки, подъ ними вышитые ручники.

Илько, какъ всѣ хлопцы, носилъ на одно плечо верховинскій короткій уйошъ, подбитый бѣлымъ барашкомъ, съ черными бархатными узорами на рукавахъ и по вороту, бѣлые шерстяные домотканные узкіе штаны съ чернымъ лампасомъ, и кожаные постолы.

На семнадцатомъ году отецъ подарилъ ему, въ знакъ того, что можетъ посѣщать вечерницы и цѣловать любку, красный пасъ, широкій кожаный поясъ, такой крѣпкій, что его и ножъ не пробьетъ, а въ поясѣ кармашекъ для денегъ и другой для люльки на мѣдной цѣпочкѣ, и для тютюна-табаку.

Уже отгремѣла война, по своей волѣ присоединился къ Чехословацкой Державѣ Карпатскій Край, и въ чешскомъ пѣхотномъ полку-регияментѣ Илько Лепей отбылъ солдатскую службу.

Онъ вернулся въ Воловое и вскорѣ женился...

■●■

А свадьбу на Верховинѣ играютъ не день и не два, цѣлую недѣлю. Сойдутся къ жениху въ домъ всѣ его дружки-дружбове, сваты-сватове, кумы-кумове, родня, съ ними огромная музыка.

Какъ гдѣ свадьба, со всей округи торопятся туда бродячіе и не бродячіе музыканты со скрипками, цим-

балами, гармоніями, шарманками. Другой такъ едва ли не цѣлый церковный органъ тащитъ на спинѣ.

Дружки войдутъ въ домъ къ жениху съ вѣнкомъ изъ вѣчно-зеленаго барвинка. Дремучее и кроткое язычество таится въ карпатскомъ свадебномъ подношеніи: вѣнокъ изъ барвинка...

Потомъ изъ дома жениха выносятъ высокій шестъ въ лентахъ. Зовется онъ курраговъ — хоругвь, свадебное знамя Карпатъ. Нигдѣ на свѣтѣ не найти наряднѣе, легче, веселѣе, такого деревенскаго знамени.

На высокомъ шестѣ вѣтеръ треплетъ шелковыя ленты, бѣлыя, синія, красныя. Между нихъ звенятъ, бренчатъ бубенцы и звонки. Точно смѣется хоругвь.

Дружки несутъ ее по селу впереди свадебнаго поѣзда. За дружками идутъ кумове. У нихъ, на расшитомъ ручникѣ, свадебный хлѣбъ. На хлѣбѣ три горящихъ свѣчи.

За кумовьями идетъ самъ женихъ, всѣ нарядные, праздничные. Такъ гремитъ музыка, такъ смѣется-звенитъ хоругвь, что и самая древняя бабка, какая уже полвѣка со скамьи не слѣзала, и та выглянетъ въ окно.

За свадьбой валитъ толпой все село.

Свадьба идетъ къ дому невѣсты поклониться ей святымъ хлѣбомъ. Невѣста выйдетъ на крыльцо, свѣтлая, нѣжная, какъ бѣлый цвѣтокъ. Вдвоемъ съ женихомъ пойдутъ они въ церковь за веселой хоруговью.

А на самой свадьбѣ богатые верховинцы въ иномъ селѣ веселятся не недѣльку, а цѣлый мѣсяцъ. Есть такой обычай: покуда приходитъ родня съ подарками невѣстѣ на ея послѣдній дѣвичій танецъ, до того дня свадьба и танцуетъ. Подарки же не какой нибудь городской вздоръ, а кто ведетъ корову, кто вола, кто овецъ и телокъ.

Уберутъ дворъ въ домѣ зелеными вѣтвями, посы-

пять землю пескомъ и въ такомъ зеленомъ свадебномъ шатрѣ, другой разъ цѣлый мѣсяцъ, изо дня въ день, кружатся въ танцѣ подъ музыку гости, и молодая угощаетъ гостей карпатскими голубцами...

■●■

Оженился Илько, и теперь съ молодой женой Оленкой, оба загорѣвшіе, — золотисто-синіе у Оленки глаза, — ходили они за волами по пашнѣ.

А за ихъ головами, охваченными солнцемъ, въ синемъ небѣ ходили облака. Какъ далекій сонъ, стояли Карпаты.

Оленка, ведя воловъ, любила пѣть тоненько, по церковному:

— Верховино, свѣтку ти нашъ...

Былъ тогда въ Прагѣ, въ чешской палатѣ, депутатъ отъ Карпатскаго края, Иванъ Куртякъ, родомъ изъ Хуста. Онъ выбралъ себѣ Илько Лепея помощникомъ по сельскимъ дѣламъ. Илько сталъ у депутата въ родѣ секретаря. Молодой, строгій селянинъ много читалъ, и тотъ же Иванъ Куртякъ помогалъ ему проходить ученіе за гимназію.

Извѣстно, сколько карпатскихъ овчаровъ, дровосѣковъ и землеробовъ уходило и уходитъ изъ своего Стараго Края, отъ нищеты, корчмарей, торгашей, отъ чиновниковъ и жандармовъ, отъ вѣкового глубокаго сна на Карпатахъ, горныхъ селъ, въ Новый Край, въ Америку.

За океанъ, въ Америку, ушелъ и дядька-уйко молодого Лепея, еще въ тѣ времена, когда былъ молодымъ кесарь Францъ-Іосифъ, котораго звали въ Волевомъ по своему: Ференцъ-Іовша. Отъ уйко изъ за океана не было ни письма, ни слуха. Пропалъ въ Новомъ Краѣ, какъ многіе пропадали.

Но только въ горное село Воловое, куда почтальонъ и тотъ пробирается на своихъ легкихъ санкахъ въ страхѣ отъ волковъ и овраговъ, — пришло большое американское письмо въ синемъ конвертѣ, со штемпелями, печатями.

А въ письмѣ написано, что карпатскій переселенецъ умеръ въ Америкѣ богачемъ.

Тряслись руки отца Лепея, морщинистыя, изсохшія отъ солнца и работы, когда онъ читалъ американское письмо.

И сказать, не повѣрятъ: покойникъ оставилъ ему и другимъ своимъ братьямъ въ Старомъ Краѣ полмилліона долларовъ.

Въ домѣ Лепеевъ вѣрили и не вѣрили, молились, плакали, смѣялись и пили горилку. Родня, кого знали и кого не знали, съѣхалась къ Лепеямъ. Кони, повозки, люди, цѣлыми днями толпились у бѣленаго низкаго дома въ Воловомъ.

Всѣ радовались, всѣ плакали отъ счастья: старики, братья покойнаго милліонера, ихъ дѣти и жены, парубки и дивчата, посредники и шинкари, адвокаты, нотари, чешскіе чиновники, словомъ всѣ, кто чуялъ поживу отъ нечаяннаго наслѣдства, свалившагося на ошалѣвшую толпу горныхъ мужиковъ.

Потомъ уже не радовались, не плакали отъ счастья, а поднялся среди родни крикъ.

Денегъ еще не было, а о деньгахъ загорѣлся лютый споръ. Братья покойника стали винить другъ друга въ обманѣ, въ изворотахъ, что хотятъ ихъ обойти въ наслѣдствѣ съ женами и дѣтьми.

Между дядьками и между тетками, между племянниками и племянницами, золовками, невѣстками, зятьями, въ большой семьѣ Лепеевъ поднялся изъ за наслѣдства

раздоръ, за свой кусокъ счастья, нечаянно упавшій съ неба, — за золото, ослѣпляющее, сжигающее душу.

Каждый уже видѣлъ у себя по тайнымъ угламъ глиняные горшки, полные звучныхъ долларовъ.

У старика Лепея, отца Илько, раньше никогда не было ссоръ съ братомъ, а теперь тотъ сталъ винить старика, что онъ перехватилъ письмо изъ Америки, обвелъ почтальона, что, можетъ статься, не полмилліона, а милліонъ долларовъ былъ оставленъ покойникомъ да утаили: мало ли чего не выдумаетъ разгоряченная голова.

Оба высокіе, свѣтлоглазые, сухощавые, старики то мирились, то пили горилку, то опять бранились, кричали, красные, съ выпученными глазами, и готовы были схватиться за ножи.

Молодому Илько Лепею тоже казалось, что уже въ домѣ груды золота, заокеанскія деньги.

Въ Соймахъ, селѣ подъ Воловымъ, онъ началъ ставить домъ, гостиницу и ванны для пріѣзжихъ, на пять штоковъ-этажей. Пусть весь міръ узнаетъ о Соймахъ, какая въ нихъ цѣлебная кипучая вода. Онъ и гимназію думалъ поставить, и лавки открыть; довольно корчмарямъ и шинкарямъ грабить карпатскій народъ. Былъ другъ карпатскаго народа, ирландецъ Эдвардъ Эганъ. О немъ разсказывалъ Лепею депутатъ Иванъ Куртякъ. Ирландецъ привезъ цѣлый планъ, какъ вырвать изъ вѣковой нищеты карпатскій народъ, чтобы сталъ Край самъ себѣ хозяинъ. Ирландца Эгана убили въ селѣ Глубокомъ, убійцъ не нашли, но кому не понять, что ирландца убили тѣ, кому это было выгодно...

Корчмари, перекупщики, шинкари, торговцы, посредники, — все ихъ цѣпкое племя, — засуетилось въ тревогѣ по округѣ: молодой Лепей задумалъ вырвать у нихъ изъ рукъ карпатскія села. Это еще добавило шума и смуты.

Въ домѣ Лепеевъ, съ набухшими отъ слезъ глазами, спорили женщины, кому въ Америку ѣхать, кому купить новые башмаки и мониста, кому часы. А денегъ все не было: одни адвокаты клянчили отъ всѣхъ деньги на хлопоты о наслѣдствѣ.

Уже никто дѣльно не работалъ. Всѣ спорили о наслѣдствѣ. И не разъ старуха-мать, сѣдые волосы выбились на лицо, бросалась разнимать молодыхъ и старыхъ Лепеевъ, раня старыя свои руки объ ихъ ножи...

■●■

Дядько Илько Лепея, тотъ самый, кто больше другихъ былъ въ раздорѣ съ его отцомъ, пришелъ, въ который уже разъ, договариваться, какъ дѣлить американскія деньги.

Оба старика устали отъ распри, къ тому же адвокаты и чиновники вытянули съ обоихъ уйму денегъ, — то подписать, то послать, — бумагъ да писемъ о наслѣдствѣ, можетъ быть, воза два вывезли изъ Воловаго, и четверкѣ воловъ не утащить, а денегъ изъ Америки такъ и не видно.

Въ тотъ вечеръ старики мирно поговорили, отецъ Лепея вышелъ проводить гостя на крыльцо и пожелалъ ему на дорогу:

— Да хранитъ Богъ....

А на утро стараго уйко нашли овчаренки за селомъ, въ полѣ, головой въ ручьѣ. Прострѣлена голова и запеклась черная кровь на упрямомъ, морщинистомъ затылкѣ верховинца.

Тогда со всей, можетъ быть, Чехіи съѣхались въ Воловое чиновники, слѣдователи, жандармы. Пошли допросы. Цѣлый региментъ солдатъ зачѣмъ то прислали изъ Хуста. Село заколотилось, какъ въ лихорадкѣ.

Кто убилъ, гдѣ убійца? Все чаще, упорнѣе, и селяне, и торговцы, шинкари, и мельники, стали показывать на Илько Лепея: его видѣли вечеромъ въ полѣ съ карабиномъ...

Жандармы взяли Илько. На рукавѣ его бѣлой рубахи нашли кровь, молодой овчаръ сказалъ, что коршунъ вился надъ его отарой. Онъ ходилъ пристрѣлить коршуна, упалъ на горной тропѣ и ободралъ руку о камни. Ему не повѣрили.

Въ роднѣ даже радовались, что Илько попался на злодѣйствѣ: однимъ наслѣдникомъ станетъ меньше.

Илько арестовали и повели въ Хустъ, въ тюрьму, недавно выстроенную чехами и такую большую, что въ нее, кажется, можно заключить весь упорный и суровый марморошскій народъ. На улицѣ Илько говорилъ, что его напрасно ведутъ, что онъ не убивалъ.

Но одни селяне молчали, а другіе, кто завидовалъ американскому счастью Лепеевъ, даже злорадствовали: «когда не намъ, такъ и не ему»...

VIII.

А въ Хустѣ всѣ повѣрили, что Илько убилъ стараго уйка.

И на кожаныхъ постолахъ Илько нашли сухую землю, какая была въ полѣ, гдѣ лежалъ уйко лицомъ въ ручей, и калибръ патрона, какимъ былъ убитъ старикъ, тотъ же, что въ карабинѣ Илько.

Лепея вывели на судъ.

Предсѣдатель надѣлъ на носъ пенснэ и съ раздраженіемъ оглядѣлъ худощаваго парня, осунувшагося въ тюрьмѣ: самый опасный преступникъ, — рѣшилъ предсѣдатель, — запирающійся преступникъ, у такого нѣтъ раскаянія, а, значитъ, и совѣсти.

На скамьѣ, за рѣшеткой, Илько снова повторялъ, на всѣ вопросы, какъ выслѣдилъ коршуна, какъ поскользнулся на тропинкѣ. Прокуроръ, наконецъ, сказалъ:

— Довольно, вы утомляете судъ вашими запирательствами, играете его терпѣніемъ...

Лепей замолчалъ. Онъ сидѣлъ совершенно блѣдный, съ сжатыми губами. Въ глазахъ стояла жесткая, какъ сталь, слеза.

Его приговорили къ пожизненной каторгѣ. Онъ всталъ, позвенѣлъ стальными наручниками и поклонился судьямъ:

— Да Богъ судитъ васъ такъ же, якъ вы меня засудили...

Председатель снова надѣлъ пенснэ и приказалъ приговоренному замолчать.

Убійцу увели.

Арестанта Лепея стали переводить изъ тюрьмы въ тюрьму, изъ Хуста въ Яглаву на Моравіи, изъ Яглавы въ Леопольдово, искали такого мѣста, гдѣ бы ему до конца дней отбывать вѣчную каторгу.

Холодными каменными коридорами, гдѣ проводили его подъ конвоемъ, сѣрыми камерами, съ привинченными желѣзными койками, куда его запирали, — каменнымъ міромъ безъ солнца, безъ воздуха, стала жизнь Лепея.

Каторжанинъ, убійца, съ коротко остриженными волосами, въ арестантской курткѣ, блѣдный, съ безкровными, тонкими губами, какъ и другіе арестанты, вызывалъ у надзирателей и часовыхъ только жалость, смѣшанную съ отвращеніемъ и страхомъ.

Время для Лепея остановилось.

Онъ уже не считалъ дни, — къ чему, — когда въ тюрьмѣ навсегда. Этотъ убійца, простой деревенскій человѣкъ, самъ былъ убитъ тѣмъ, какъ внезапно остановилась, была загнана его жизнь въ камень, въ казематъ, на уголъ желѣзной койки, у сѣрой стѣны. Навсегда.

■●■

Въ Леопольдово, на Словакіи, арестанта Лепея привели въ каторжную тюрьму въ іюнѣ, къ вечеру.

Онъ разостлалъ на узкой койкѣ верховинскую подстилку овечьей шерсти, умостилъ въ головахъ холщевый мѣшокъ и жестяную манерку, въ которой побрякивалъ еще черствый кусокъ хлѣба изъ прежней тюрьмы.

Въ камерѣ пахло камнемъ, но высоко подъ потолкомъ было открыто оконце за частой рѣшеткой, и съ

тюремнаго двора доносило лѣтній воздухъ, нѣжное дуновеніе сѣна. Вечерѣло.

Въ другомъ углу, на койкѣ, сидѣлъ черноволосый, худощавый арестантъ. Онъ покачивался, обхвативши колѣни костлявыми руками, и пѣлъ очень тихо:

Лучше было, лучше было не ходити,
Лучше было, лучше было не любити...

Лепей разслышалъ русскія слова. Арестантъ закашлялся и умолкъ.

— Вы нашъ? — вѣжливо освѣдомился Илько. — Тоже съ Карпатъ?

— Съ Карпатъ... А вы откуда?

— Я съ Верховины, села Воловаго.

Черноволосый хмуро усмѣхнулся:

— Такъ и я-жъ съ Верховины.

— Меня Илько Лепеемъ зовутъ.

— А меня Юрко Клевецъ, воръ и взломщикъ, можетъ слышали...

— Нѣтъ...

Въ ту ночь они не спали.

Юрко сидѣлъ съ ногами на желѣзной койкѣ, покачивался и разсказывалъ о своей жизни, за что попалъ на каторгу, какъ ограбилъ ювелирную лавку, пробилъ старику-ростовщику голову молоткомъ, а старикъ притворился мертвымъ, выползъ изъ лавки, захлопнулъ двери и люди застигли Юрко въ чуланѣ. Онъ разсказывалъ спокойно, дѣловито и не безъ гордости.

— А васъ сюда за что прислали? — спросилъ Юрко. — За грабежъ, за убійство?

— За убійство. Но я не убивалъ.

Юрко осклабился вѣжливо и насмѣшливо:

— Не убивали? Безъ вины васъ, что-ли, засудили?

— Безъ вины.

Юрко презрительно разсмѣялся, закашлялся отъ смѣха. Кашель перегнулъ его надвое, разозлилъ:

— И чего я, дурень, разспрашиваю... Конечно, безъ вины. Развѣ въ тюрьмѣ кто бываетъ виновнымъ? Здѣсь кого не спроси, всѣ ни за что посажены, даромъ осуждены: не каторжные, а овцы.

— Но я правду говорю, я не убійца.

— Бреши, бреши... Тогда и меня ни за что тутъ держатъ на вѣчныя времена.

— Тебѣ говорятъ, я не убійца! — съ гнѣвомъ крикнулъ Илько, опуская обѣ руки на костлявыя плечи арестанта:

— Понимаешь, правду тебѣ говорю... Правду, понимаешь ты или нѣтъ?

Въ темнотѣ они смотрѣли другъ другу въ глаза и сильно дышали.

Со двора доносило воздухъ іюньской ночи, перваго сѣнокоса. Они точно мѣрялись молча силами, и сильнѣе оказался Илько, или Юрко повѣрилъ ему, но отвелъ глаза и сказалъ:

— А мнѣ все равно, убивалъ ты или нѣтъ... Пусти.

И стряхнулъ руки Лепея съ плечей.

Съ той ночи они стали друзьями.

Когда Юрко пѣлъ, тоненько и длинно, вполголоса, Илько слушалъ, заложивши руки за голову.

Онъ часами могъ слушать и часами могъ пѣть Юрко, покуда не закашляется. Оба карпатскихъ горца задыхались въ неволѣ.

Но о бѣгствѣ, о волѣ, они не говорили ни разу: безъ словъ понимали, что оба задохнутся въ этомъ камнѣ.

Только ночью начинали они внезапно вспоминать, что въ арестантской умывалкѣ, куда ихъ водили по утрамъ, если тронуть рукой, качается на окнѣ желѣзная сѣтка. А за окномъ пустырь, уголъ тюремнаго двора, и

подъ самой стѣной дровяной сарай. Если изодрать на жгуты холщевый тюремный тюфякъ, если выбраться изъ окна умывалки, спуститься на жгутѣ на крышу сарая...

— А кто въ умывалкѣ окно расшатаетъ? — шепталъ Илько.

— Объ этомъ не думай, расшатаю.

— Значитъ изъ окна на сарай... Съ сарая на стѣну.

— А за стѣной — воля.

Въ первый разъ сказалъ Юрко слово воля...

■●■

Рано утромъ надзиратель, по просьбѣ двухъ арестантовъ, отвелъ ихъ въ умывалку, и не прошло трехъ минутъ, какъ часовой на стѣнѣ далъ выстрѣлъ, а въ нижнихъ коридорахъ поднялся тугой, тяжкій звонъ электрическаго сигнала.

По всѣмъ этажамъ, гремя на желѣзныхъ лѣстницахъ, забѣгали солдаты, надзиратели: изъ умывалки бѣжали два арестанта. На жгутахъ они спустились изъ окна къ угольному сараю. Съ сарая на стѣну тюрьмы.

Утро было туманное. Въ туманѣ гремѣлъ выстрѣлъ за выстрѣломъ. Звенѣлъ тревожный сигналъ. Потомъ все смолкло.

Двумъ арестантамъ удалось бѣжать...

Далеко за Леопольдовымъ, по дорогѣ шли двое безработныхъ, или нищихъ, босые, въ рваныхъ шляпахъ, въ изодранныхъ пиджакахъ, въ тряпьѣ, какое можно найти только въ мусорныхъ ямахъ. Оба умѣли старые горшки дратовать, обматывая дратвой, бичевкою: тѣмъ и питались отъ людей. У одного болѣли глаза и онъ прикрывалъ ихъ окровавленной мокрой тряпицей, другой былъ, кажется, косноязычный.

Это Юрко нарочно прикрывалъ глаза тряпицей, что-

бы людямъ было противно, а Илько нарочно мычалъ, какъ нѣмой.

Они шли дней пять. Старый гончаръ, нагнавшій ихъ на дорогѣ, пожалѣлъ бродягъ и позволилъ улечься въ повозкѣ между своихъ горшковъ, среди легко звенящихъ глиняныхъ омофоръ, такихъ же, какъ во времена Александра Македонскаго.

Оба бѣглеца впервые по настоящему заснули на сѣнѣ.

Такъ, между горшковъ, они и вернулись съ каторги на Карпаты.

IX.

Въ самомъ сердцѣ Европы — синіе Карпаты.

Они клубятся высоко, какъ тучи въ грозовой синевѣ.

На нихъ, какъ въ облакахъ, живетъ странный карпатскій народъ. Одни зовутъ его русинами, другіе рутенами. Самъ онъ называетъ себя карпатскимъ русскимъ народомъ.

Вѣками онъ былъ крѣпостнымъ у венгерскихъ магнатовъ. Жилъ въ горныхъ лѣсахъ. Оралъ на волахъ землю. Служилъ венгерскимъ королямъ и апостолическимъ кесарямъ. Въ его деревянныхъ церквахъ, островерхихъ. съ башенками - туренями, стоятъ связки его старыхъ боевыхъ знаменъ, съ которыми ходилъ онъ въ сраженія еще въ желѣзныхъ легіонахъ Франца Раковція.

Свѣтлоглазые и суровые дровосѣки, пахари, овчары, странное карпатское племя: все у него странно, бѣлыя хаты и деревянныя церкви, связки хоругвей - прапоровъ и древнія церковныя книги, колоды золотыхъ пчелъ и вышивки на бѣлыхъ рубахахъ, такія вышиванки, какъ будто собраны въ нихъ всѣ карпатскіе полевые цвѣты и солнце, и зеленыя травы, и небесная синева.

На Карпатахъ что ни село на рѣкѣ, то своя вышивка. На шестнадцать разныхъ узоровъ вышиваютъ тамъ, «на звѣздочки» и на «на зерницы», а въ селѣ Воловомъ такъ и на всѣ «завейхвостки».

Въ горахъ, по верховьямъ, живутъ верховинцы. Въ низовьяхъ, по рѣкамъ, живутъ долиняне. У долинянокъ свѣтится въ волосахъ жестяной обручъ - гребень. Есть долиняне лишаки и есть лемаки: одни часто добавляютъ въ свою рѣчь «лише», другіе «лемъ».

Есть на Карпатахъ верховинцы и долиняне, есть люди пряшевскіе и марморошскіе, а всѣ ѣдятъ вареники и голубцы, сходятся на вечерницы и зажигаютъ у церквей великіе костры, чтобы издалека видѣлъ добрый человѣкъ, что началась Божья служба.

На зарѣ, когда румянымъ паромъ дышатъ Карпаты, высоко на верховинѣ трубитъ трембита овчара, созывающая горныхъ овецъ и козъ.

На лугахъ - полонинахъ шумятъ въ облакахъ сильныя, свѣжія травы, ниже идутъ лѣса, синяя ель и зеленыя ясени, буки, дубы, яворы.

Бѣгутъ карпатскія шумныя рѣки...

■●■

Въ самыхъ именахъ рѣкъ — Тиса, Терска, Теребля, Боржава, Латорица, Лаборецъ, Ужъ, Быстрая и Попрадъ, — какъ бы слышенъ звукъ ихъ быстраго, пѣннаго бѣга по вереску и гремучимъ камнямъ, по ржавымъ пескамъ, грозннымъ порогамъ, или по такимъ стремнинамъ, когда жутко видны въ глубинѣ водъ бездонныя ущелья, подводныя урочища...

На Лаборцѣ палъ въ бою за Карпатскую Русь противъ мадьяръ старый витязь, карпатскій князь Лаборецъ.

На Латорицѣ, гдѣ Мукачево, стоитъ на Черничной горѣ древній монастырь русскаго князя Федора, пришедшаго на Карпаты съ дружиной, съ Подоліи.

На Попрадѣ, рѣкѣ самой западной, кончаются русскія села, тамъ имъ граница.

По Быстрой гонятъ верховинскія бревна съ Воловово до Хуста и даже до Венгріи.

На Тереблѣ и Тисѣ гремятъ пороги. Больше другихъ теребятъ двѣ эти рѣки бревенчатые плоты.

Кто на Карпатахъ не дровосѣкъ и не плотникъ? Цѣлыя тамъ села дровосѣковъ. Съ рѣкой течетъ вся ихъ суровая жизнь.

Плотовщикъ беретъ съ собой въ путь дорожный мѣшокъ-тайстру, въ немъ цибули, хлѣбъ, яйца въ крутую и вышитый ручникъ. Ручникъ онъ разстилаетъ на колѣняхъ, когда, помолясь, полудничаетъ на бревнахъ.

Съ мѣшкомъ и ручникомъ уходитъ онъ съ плотами на долгіе мѣсяцы, нерѣдко навсегда.

Бревна, связанныя сучьями-цивками, гонитъ съ шумомъ, въ кипящей пѣнѣ, грозно бьетъ на каменистыхъ порогахъ Тисы, подъ Кевелевымъ.

Разрываетъ, бросаетъ о скалы... Много карпатскихъ дровосѣковъ погребено въ Тисѣ-рѣкѣ.

Есть острыя скалы на Тисѣ и выше села Веряце. Тамъ бурная рѣка разбивала въ щепья плоты.

Въ венгерскія времена, въ 1850 году, на тѣхъ скалахъ, высоко, высѣкли статую святой Розаліи, — ее стали звать въ селахъ Маріей-Терезіей, — потому, вѣроятно, что похожа спящая святая на великую императрицу, — и теперь бревенчатые плоты счастливо проноситъ мимо скалъ...

■●■

А въ Карпатскихъ непроходимыхъ лѣсахъ, на самыхъ вершинахъ, горный олень теряетъ свой рогъ.

Есть въ лѣсахъ рыси, и волки, лисицы и кабаны. Медвѣдь выходитъ изъ своей гавры-берлоги на Благовѣщеніе въ первый разъ напиться воды, а до того всю зи-

му лежитъ и сосетъ лапу. Кто его раздразнитъ, задеретъ узкой когтистой лапой, свалитъ на землю и начнетъ носить сучья, буреломъ, вырывать съ корнемъ молодыя деревья. Цѣлую гробницу навалитъ, а самъ не отходитъ, два-три дня похаживаетъ, сторожитъ, на третій уйдетъ.

И откуда такіе чудаки-медвѣди взялись на Карпатахъ? Въ Европѣ больше нигдѣ медвѣдей и не водится. Можетъ быть, они пришли на Карпаты со скоморохами въ стародавнія времена изъ золотой Кіевской Руси.

А на Карпатскихъ рѣкахъ живетъ еще боберъ, самый умный изъ всего звѣрья на свѣтѣ, тотъ, кто себѣ дома строитъ и склады. У карпатскихъ селянъ боберъ пріученъ рыбу ловить, а ловитъ такъ: голову откуситъ, рыбину хозяину несетъ.

И нигдѣ на свѣтѣ нѣтъ, кажется, столько кабановъ, какъ въ карпатскихъ лѣсахъ, горбатыхъ, сильныхъ кабановъ, съ черной, жесткой щетиной. Сельскіе мальчишки весной, собирая грибы, поймаютъ кабаненка въ корзину, а онъ такой визгъ подыметъ, что едва ли не со всѣхъ карпатскихъ лѣсовъ съ трубнымъ ревомъ сбѣжится клыкастое ярое кабанье войско.

Мальчишки заберутся на деревья, съ ясени на грабъ, съ граба на дубъ. А кабаны начнутъ подрывать дубъ клыками: «отдай, отдай намъ дѣтеныша». И когда сбросятъ имъ внизъ кабаненка, всѣ исчезнутъ мгновенно въ лѣсной чащѣ.

Осенью, тоже войскомъ, кабаны ходятъ въ набѣги на картофельныя и кукурузныя поля.

Карпатскіе кабаны очень любятъ картошку. Тогда отъ села къ селу, по полямъ, горятъ всю ночь костры, сторожа бьютъ въ мѣдные тазы, звонятъ въ колокола, трубятъ въ трембиты: кабановъ отгоняютъ. У огней толпится народъ, шумъ, смѣхъ, люди перекликаются:

— Говъ, говъ, куме Василь...

— Говъ, говъ, куме Иванко...

— А не слыхать, будто будетъ война?

— Слыхать было, что будетъ...

Какъ осень, на Карпатахъ идетъ по всѣмъ селамъ слухъ о войнѣ. На вечерницахъ и у церковныхъ огней тонко разбираютъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ и уже всѣ знаютъ, что къ веснѣ неминуемо будетъ война: и звѣзду видѣли, и комету.

До самой весны села ждутъ войны всѣхъ добрыхъ христіанъ на свѣтѣ съ коммуништами, грабителями церквей, но какъ выходить въ поле съ волами, — когда бы самой войнѣ то и быть, — всѣ о ней забываютъ. Другой и поговорилъ бы о томъ, что дѣлается на свѣтѣ, да только почешетъ пропеченный солнцемъ затылокъ: какая же тамъ война, когда на волахъ орать время...

■●■

И откуда пришло высоко въ карпатскія облака, на студеную Озирню, на Синевирскую поляну, это тихое племя?

Почти тысячу лѣтъ назадъ оно осталось на Карпатахъ отъ Кіевской Руси, доходившей сюда. Это древнерусскій княжескій народъ. Почти тысячу лѣтъ назадъ отрѣзали его, замкнули, отнесли отъ русской земли, чужія племена и народы, но карпатскій народъ въ горныхъ облакахъ все говоритъ какъ бы въ полголоса на своемъ старо-русскомъ языкѣ, все шепчетъ свои старо-русскія молитвы.

Онъ затаился. Замеръ навѣки, да его и не замѣчали: живъ онъ или нѣтъ, неслышный народъ-работникъ.

А онъ сохранилъ въ вышиванкахъ и въ вечерни-

цахъ, въ пѣсняхъ и въ молитвахъ, въ колоколенкахъ церквей и въ скрипучемъ колодцѣ, ту свою древнюю русскую родину, какой она была, можетъ быть, тысячу лѣтъ назадъ, въ золотыя княжескія времена Кіева.

Такъ тысячу лѣтъ и снится карпатскому народу золотой сонъ о далекомъ русскомъ отечествѣ. И если есть на свѣтѣ царство Спящей Красавицы, такъ оно на синихъ Карпатахъ.

Кто только не обманывалъ, не оскорблялъ, не грабилъ и не спаивалъ этого свѣтлоглазаго покорнаго рутена, что то бормочущаго на своемъ языкѣ. Онъ не могъ бы и пересчитать всѣхъ обидъ отъ неславянъ и отъ своего же брата — славянина. Онъ и не помнилъ обидъ, но онѣ легли горечью на его душу.

Господа его думали, что уже стерли въ конецъ его русскую породу, а этотъ малый, этотъ бѣдный карпатскій народъ, всегда чувствовалъ себя самымъ большимъ и мощнымъ, самымъ, можетъ быть, великимъ и страшнымъ народомъ, какой только есть на свѣтѣ, — русскимъ народомъ, — карпатскимъ племенемъ русскаго народа, сыномъ громадной и грозной русской земли.

Именно такое тайное чувство давало и даетъ ему вдохновенную силу.

■●■

...Когда то по дремучимъ Карпатамъ пробирался верхомъ русскій витязь.

За спиной дремалъ его младшій братъ Иванъ. Въ Карпатахъ ихъ застигла страшная буря. Горный вихрь сорвалъ съ сѣдла и унесъ далеко въ лѣса малаго хлопчика Ивана. Тамъ бросилъ его на луга. Какъ ни звалъ, ни искалъ по вершинамъ и ущельямъ, не отыскалъ витязь младшаго брата и ушелъ за Карпаты.

Всегда помнитъ хлопецъ Иванко, какъ несъ его за спиной ,на сѣдлѣ, витязь, и ждетъ, что братъ вернется къ нему, и витязь издалека, сквозь туманы чужихъ народовъ, морей и державъ, всегда смотритъ на Карпаты, гдѣ его братъ.

Такія сказанія пѣли на русскомъ югѣ нищіе-слѣпцы...

X.

Около 1934 года въ Карпатскомъ Краю стали показываться разбойники.

Они разбивали евреевъ-корчмарей, грабили чеховъ-чиновниковъ, останавливали на дорогахъ пыльные пассажирскіе автобусы.

Разбойниковъ не было слышно въ краю съ самой войны, со временъ Николы Шугая.

И съ чего бы разбойникамъ быть: времена мирныя, Край присоединился къ чехамъ, чехи обѣщаютъ вольное управленіе Краю, о чемъ, правда, уже давно написано и въ основномъ чешскомъ законѣ и другими державами подтверждено, чехи обѣщаютъ, обѣщаютъ, да все не исполняютъ, — устройство края, разработку его богатствъ, всѣмъ работу, — много чего обѣщаютъ. А здѣсь вдругъ разбойники и главное, на кого нападаютъ, — на чешскихъ чиновниковъ.

— Жизнь или гроши!

Точно въ старыхъ книжкахъ вычитали разбойничій окрикъ. Съ нимъ врываются въ лавки торгашей, къ шинкарямъ, до-чиста обираютъ чиновниковъ.

Въ пражскихъ газетахъ и по радіо, на всѣхъ языкахъ, кромѣ русскаго, скоро объявили, что два грабителя, разбойничающіе на Карпатахъ, — бѣжавшіе каторжане-убійцы, Илько Лепей и Юрко Клевецъ.

На Карпаты послали полкъ-регименть жандармовъ. Какъ только пришли жандармы, уже не двое стали грабить, а цѣлая шайка. Еще послали жандармовъ и солдатъ: и шаекъ стало больше.

Пойдутъ жандармы въ Воловецъ, а разбойники въ Свалялвѣ. Жандармы въ Сваляву, а грабители въ Березникѣ, а то въ Нижнемъ Студеномъ, или Озирнѣ. Илько же Лепея видѣли въ десяти селахъ заразъ, да еще въ Хустѣ, и въ самомъ Мукачевѣ въ придачу.

Жандармы сбились съ ногъ. Ихъ еще прислали изъ Праги. Теперь уже цѣлый легiонъ чешскихъ жандармовъ бродилъ по Карпатамъ.

Пражскiе жандармы ищутъ Лепея, любуются Карпатами, а заодно учатся русскому языку. Шинкари и торгаши, которые всегда держатъ панскую руку, теперь лопотали только по чешски, — вотъ де мы какiе новые паны, — и увѣрили жандармовъ, что по русски, на языкѣ пастуховъ, говорятъ на Карпатахъ одни овчары. Жандармы скоро поняли, что не одни овчары говорятъ по русски, но, все равно, былъ неуловимъ бѣглый каторжникъ Илько Лепей, съ нимъ Юрко Клевецъ.

По карпатскимъ селамъ пошли вскорѣ слухи, что Илько-разбойникъ не трогаетъ селянства, а тѣснитъ только утѣснителей мiра крещенаго, что вышелъ смѣлый Илько на дорогу съ оружiемъ искать правду за весь униженный христiанскiй родъ.

Слухи росли. Обычный дорожный грабитель Илько становился, по слухамъ, все свѣтлѣе, краше, удалѣе. Точно только ждали по селамъ, чтобы пришелъ такой удалой витязь.

Такъ и было: вѣками, молча и въ молитвахъ, въ преданiяхъ, въ пѣсняхъ и въ снахъ, ждутъ карпатскiя села своего витязя. Тоска по витязѣ, защитникѣ правды, вож-

дѣ, воинѣ и судьѣ справедливомъ, всегда таилась въ этомъ простомъ горномъ народѣ.

Какъ видно, тяжело и тревожно было въ Краю, если по селамъ стали вѣрить, что Илько Лепей и есть справедливый защитникъ.

Край, какъ и прежде, расхищало и душило торгашеское племя. Его стали къ тому же заселять пришлые чиновники-чехи. Попрежнему, у чужихъ всѣ его богатста, лѣса, земли, мельницы, а карпатскому народу одна нищета.

Могущественные лѣса, какъ и раньше, не принадлежатъ Краю. Почти всѣ отобраны въ чешскую казну. А если не въ казнѣ, то у такихъ хищниковъ, какъ гешефтмахерская компанія «Лагорица», окармливавшая села за ихъ каторжный трудъ гнилой кукурузой.

Стоятъ и гніютъ лѣса. Все въ Краѣ стоитъ, дичаетъ. Не тронуть лѣсовъ, не коснуться земель, все чужое, а Край задыхается отъ нищеты...

Просвѣта не видно. Зато дали Карпатскому Краю «просвіту». На нее нашлись деньги у Праги, чтобы «просвіта» изломала, измяла русскій языкъ въ неслыханную мову, заставила бы карпатскій народъ забыть свою русскую душу, превратила бы его въ окраинную смѣсь, — въ окраину безъ рода безъ племени, въ тотъ народъ-окрошку, въ какой пытались истолочь ненавистный карпатскій русскій народъ еще его австро-венгерскіе благодѣтели. Въ селахъ не даромъ зовутъ «просвіту» — «заслипой», потому что она заслѣпляетъ людямъ очи...

Нѣтъ просвѣта. А можетъ быть, Илько Лепей просвѣтъ? Такъ могъ думать простодушный селянинъ.

Край началъ волноваться.

Только и разговоровъ, по селамъ, что о разбойникѣ.

Кумы, такъ тѣ о немъ одномъ верещатъ, а кто говорливѣе карпатской кумы, развѣ сорока:

— А чули былъ на селѣ Лепей... Цукру много взялъ, тай гроши...

— А чули, понесъ все въ другое село, тай роздалъ біднымъ людямъ...

— А чули, жандармы къ намъ идутъ, всѣмъ допросъ будетъ изъ за Лепея...

Заволновались и пражскія газеты, подняли шумъ, почему жандармы не могутъ схватить разбойника.

XI.

Больше другихъ шумѣла вечерняя пражская «А-З», особенно, когда въ редакцію стали приходить письма отъ самого Лепея.

Лепей заранѣе писалъ въ «А-З», въ какихъ селахъ онъ будетъ допытывать, кто убилъ уйка. Села, конечно, оцѣпляли. Но Лепей проходилъ ночью сквозь заставы.

У жандармскаго ротмистра пропали щегольскіе сапоги. Черезъ нѣсколько дней Лепей пишетъ въ «А-З», что сапоги пана ротмистра пришлись ему впору.

Въ Прагѣ не скрывали раздраженія противъ дерзкаго каторжника.

Его поимка превратилась едва ли не въ вопросъ достоинства правительства. Было рѣшено уничтожить Лепея безпощадно, немедленно.

Такъ было рѣшено потому, что Прага хорошо понимала, что значитъ глухое волненіе, охватившее Карпаты.

Въ сочувствіи селъ Лепею было недовольство разрухой въ Краѣ и прорывалась, какъ опасный огонь, вѣками подавляемая тоска горнаго народа по своей свободѣ.

Въ началѣ зимы, послѣ смерти жены Оленки, разбойникъ снова написалъ въ «А.-З.». Дерзкій верховин-

скій овчаръ писалъ, что никто и ничто не остановитъ его и онъ придетъ проститься съ покойницей.

Лепей шелъ самъ въ руки жандаромовъ. Въ Прагѣ такъ и рѣшили, что его письмо прикрытое извѣщеніе о сдачѣ...

■●■

Кумашни, — въ нихъ чудится дыханіе еще славянскаго язычества — древнее слово, надо думать, отъ словъ кумъ, кумовья. На кумашни, поминки, собирается вся родня въ домъ покойника, предъ послѣднимъ прощаніемъ.

Хата Лепея полна заплаканной родни Олены, старыхъ тетокъ въ печальныхъ уборахъ, понурыхъ, сивыхъ дядьевъ. Всѣ молчатъ. Одна мать Олены причитаетъ, какъ безъ счастья ушла ея дочь съ бѣлаго свѣта, какъ судилъ Богъ стать ея мужу разбойникомъ, и гонятъ его, точно вепря или рысь.

По суровымъ лицамъ пахарей струится потъ. Ихъ руки, коричневыя, какъ на иконахъ, и тяжелыя, покоятся на колѣняхъ

Горятъ восковыя свѣчи. Медомъ и ладаномъ пахнетъ въ бѣлой горницѣ.

Оленка лежитъ въ темной гробовинѣ съ бумажнымъ вѣнчикомъ на лбу. Смуглой и строгой стала она послѣ смерти, подъ кисеей, — какъ испугалась тогда въ тѣсныхъ сѣняхъ страшнаго каторжника, какъ закинула руки, такъ точно бы и пала въ гробовую домовину испуганной птицей. Въ хатѣ стоятъ на часахъ жандармы въ каскахъ, съ короткими карабинами.

Жандармы и на заднемъ дворѣ, и на крыльцахъ. По селу ходятъ конные и пѣшіе патрули. Вся округа оцѣплена.

На саняхъ подъѣзжаютъ важные чиновники, съ портфелями, изъ суда или полиціи, справляются: «Былъ Лепей или не былъ». Всѣ думаютъ: на кумашни сдаваться придетъ.

Вечеръ морозный, съ туманомъ. Подъѣхалъ съ бубенцами еще чиновникъ, съ нимъ два жандарма въ саняхъ: «Былъ Лепей или не былъ?»

На крыльцѣ у чиновника провѣрили документъ: прокуроръ какой, а то слѣдователь, богатая шуба заметена снѣгомъ, самъ съ портфелемъ.

Прокуроръ прошелъ въ хату, отогнулъ мѣховой воротникъ и снялъ шапку. Родня Оленки, дядья, тетки, мать, посмотрѣли на него и замерли.

— Добрый вечеръ, добрые люди, — глухо сказалъ прокуроръ.

Вся родня и отвѣтить не можетъ: видятъ, что это не прокуроръ, а Илько Лепей. Одни часовые жандармы у дверей думаютъ, что прокуроръ.

Илько быстро прошелъ къ гробу, откинулъ съ лица покойницы кисею, перекрестился и поцѣловалъ древній русскій вѣнчикъ на ея лбу.

А когда повернулся къ дверямъ, его тонкое лицо было такимъ блѣднымъ, точно свѣтилось.

Онъ миновалъ жандармовъ, часовыхъ, патруль, сѣлъ въ сани къ своимъ жандармамъ, тѣ ударили съ силой по коню:

— Гей, Гей...

Звякнули бубенцы, унеслись легкія сани...

А часа черезъ два добрался до села пѣшкомъ, въ одномъ пиджакѣ, промерзшій, побѣлѣвшій отъ инея, панъ-чехъ прокуроръ или слѣдователь: по дорогѣ его ссадилъ съ саней Илько, съ нимъ двое его людей одѣ-

тыхъ жандармами, все обобрали, шубу, документы, портфель, и приказали два часа не выходить на дорогу къ селу...

■●■

Дерзость Лепея все больше раздражала жандармовъ. Ихъ охватила солдатская досада, что они не могутъ поймать какого то грабителя.

Изъ селъ, все выше, они стали загонять Лепея въ горы.

Тамъ, на полонинахъ, Лепей скрывался у овчаровъ. Жандармы и тамъ настигали его. Въ колибахъ овчаровъ они находили то кусокъ его кукурузной лепешки, то патронъ карабина, табакъ, или обрывокъ газеты, какую онъ читалъ наканунѣ.

Какъ пущенная въ ходъ машина, цѣпь жандармовъ сжималась все упорнѣе, неотвратимѣе, по всѣмъ лѣснымъ и горнымъ тропамъ. Лепея уже вытѣснили изъ селъ: жандармы немало подкупили тамъ людей, у нихъ всюду были свои доносчики.

Лепей это зналъ. Онъ ушелъ въ непроходимые лѣса. Но его выслѣживали и въ лѣсахъ.

Такъ травятъ звѣрей. Только человѣкъ травитъ человѣка еще тоньше, еще хитрѣе, чѣмъ звѣря.

Но и затравленный человѣкъ хитрѣе звѣря, тоньше лисицы, острѣе рыси. Илько Лепей былъ неуловимъ.

Онъ велъ настоящую войну, одинъ съ легіономъ жандармовъ. У тѣхъ были свои лазутчики, были они и у Илько. Лазутчики Илько ходили по селамъ.

Среди нихъ былъ одинъ овчаренокъ, хлопчикъ Голубка.

Илько посылалъ его съ горъ слушать по дорогамъ и

въ корчмахъ, что говорятъ о немъ люди и гдѣ ходятъ жандармы.

Уже стояла крутая зима, когда Голубка вернулся на полонины и разсказалъ Лепею, что слышалъ въ Воловомъ.

Люди въ селѣ говорятъ, что въ тѣ дни, когда былъ убитъ его старый уйко, тащился мимо села большой цыганскій таборъ. Тамъ и лудильщики, и паяльщики, и конные барышники, и коновалы, а съ ними воровки-гадалки. И у одного цыгана будто бы видѣли люди такой же карабинъ, какой былъ у Илько, и къ нему такіе же патроны.

— Говори, Голубка, говори, — торопилъ хлопца Илько, а сѣрые глаза точно залило сильнымъ свѣтомъ.

— Люди такъ толкуютъ: видѣли того цыгана вечеромъ съ твоимъ уйко въ полѣ, у нихъ споръ былъ. Цыганъ ковалъ твоему уйкови коня и покалѣчилъ...

— Говори, Голубка, говори...

— Да что тебѣ, Илько, говорить... Толкуютъ люди, что торгаши того цыгана подкупили, чтобы онъ уйко убилъ, а на тебя нарочно показали. Это тебѣ ихъ месть, зачѣмъ ты въ Соймахъ гостиницу хотѣлъ строить.

— Дальше что?

— А дальше ничего. Ушли цыгане и все. Люди толкуютъ: ушли таборомъ черезъ Карпаты, въ Галитчину....

XII.

Въ тѣ годы изъ Галичины на Карпаты пробирался русскій поручикъ Андрей Кривцовъ.

Въ тѣ годы весь міръ презиралъ русскихъ изгнанниковъ, вѣрныхъ своему старому христіанскому кресту и старому царскому знамени. Великое русское пораженіе и лютая безпощадность большевиковъ по всему свѣту гнали побѣжденныхъ изгнанниковъ, какъ гонитъ буря сухія листья.

Кому на чужой землѣ нужны изгнанники? Если имъ и позволяли жить, то изъ милости, если имъ и давали работу, то гнали на самыя тяжкія.

Это были такія времена, когда никто въ мірѣ не вѣрилъ, что снова подымется изъ крови и бойни Россія, думали, что уже никогда больше не разомкнуть Россіи рабскаго большевицкаго ярма, и люди, считавшіе себя честными и умными, и правители ихъ, и короли, князья міра и князья церкви, закрывали глаза на злодѣйства, какія творятся надъ человѣкомъ въ Россіи, душили въ себѣ совѣсть, въ разсчетѣ сговориться съ большевиками и не только оберечь свою шкуру, но какъ то еще и нажиться, а другіе, потрясенные, уже видѣли конецъ міра, побѣду Іуды и черное шествіе торжествующаго Антихриста, и замерли, онѣмѣвшіе...

Въ такія то времена и пробирался на Карпаты русскій поручикъ Андрей Кривцовъ.

Никто не узналъ бы въ молодомъ оборванцѣ, съ исхудавшимъ, потемнѣвшимъ лицомъ, бывшаго офицера блистательной, могущественной арміи, россійской императорской арміи.

На великой войнѣ поручикъ Кривцовъ былъ со своимъ стрѣлковымъ полкомъ въ Августовскихъ лѣсахъ и въ Галиціи, и на Карпатахъ. Онъ лежалъ за пулеметомъ и въ гражданской войнѣ. Его рука была прострѣлена, въ ногѣ пулей размозжена кость.

Сапоги поручика были разношены такъ, что подметка похлопывала по ступнѣ и Кривцовъ подвязалъ подметку веревкой. Его рваная шляпа была до того засалена, что поручикъ просто не догадывался сварить изъ нея борщъ, а на истрепанномъ пиджакѣ были проштопаны локти.

Сталъ бродягой русскій поручикъ Кривцовъ.

Онъ ушелъ съ торфяныхъ работъ въ Польшѣ. Люди на болотахъ, среди лихорадокъ и тифа, наживали тамъ чахотку и, какъ послѣднюю награду и освобожденіе, — смерть.

Кто сказалъ, что побѣжденнымъ оставлены только глаза, чтобы плакать? Это не вѣрно. У поручика Кривцова не было слезъ. Только упорно былъ сжатъ его молодой ротъ и двигалась тонкая кожа на скулахъ.

Онъ рѣшилъ пробираться въ Прагу, тамъ, говорятъ, много русскихъ студентовъ, такихъ же изгнанниковъ: онъ самъ былъ когда то студентомъ и теперь рѣшилъ доучиться. Но денегъ у него не было ни гроша, и не было никакихъ визъ.

Поручикъ брелъ тамъ же, гдѣ когда то сверкала Великая Галиційская Битва, и онъ, съ войсками Брусилова и Корнилова, шелъ впередъ, подъ огонь, въ грозномъ, сѣромъ строю.

Теперь онъ пробирался тамъ дорожнымъ бродягой,

и торчали пальцы изъ его разбитыхъ сапогъ. Онъ думалъ: «только бы дойти до Карпатъ, оттуда какъ нибудь помогутъ добраться до Праги».

Ударили морозы, когда онъ подходилъ къ чешской границѣ. Поручикъ въ открытомъ полѣ сталъ дрогнуть.

Въ холщевомъ мѣшкѣ за спиной, онъ несъ всѣ свои земныя богатства: учебникъ по гидравликѣ, — онъ былъ когда то инженернымъ студентомъ, — смѣну рванаго бѣлья, полотенце, иголку съ нитками, мыло въ газетной бумажкѣ, бритву, и свой офицерскій послужной списокъ, гдѣ были отмѣчены раненія его, боевыя награды и георгіевскій крестъ за подвигъ, страданіе, кровь....

А на груди, въ боковомъ карманѣ, были у него послѣднія письма матери, которыя онъ хранилъ бережнѣе всего, совершенно пожелтѣвшія, со стертыми буквами, уже прозрачныя на свѣтъ, и ея табачно-туманная фотографическая карточка. Странно: когда онъ смотрѣлъ на смутное, нѣжное лицо матери, видимое едва, ему казалось, что онъ видитъ всю Россію.

Карпаты стояли высоко, какъ тяжелыя груды синихъ облаковъ. «Боже мой» — думалъ поручикъ, — «мнѣ никогда туда не добраться»...

Этому русскому бродягѣ не минуло еще тридцати. Съ юности было суждено ему видѣть только атаки, огонь, полки солдатъ, окопы, убитыхъ съ открытыми ртами, разстрѣлянныя гильзы и кровавое тряпье, смерть и страхъ, жестокость, страданія, тревогу, отчаяніе...

А теперь онъ сталъ, какъ преслѣдуемый звѣрь, только за то, что онъ русскій, что побѣжденный, что вѣренъ знамени и кресту, что онъ бродяга безъ работы, голодный, бредущій человѣкъ. По всему свѣту, послѣ войны и революцій, сколько такихъ гонимыхъ безъ вины людей.

Русскій поручикъ обходилъ деревни, шелъ по галиційскимъ полямъ, гдѣ, можетъ быть, подымался когда-то

съ полкомъ въ атаку. Онъ прятался отъ польскихъ солдатъ и жандармовъ, узнавая ихъ издали по блеску мѣдныхъ, крутыхъ козырьковъ.

— Господи, дай мнѣ только дойти до Карпатъ, — молился поручикъ.

Иногда его подвозила добрая галиційская баба, или бѣднякъ галичанинъ, пожалѣвшій, что застыли слезинки на щетинистыхъ, впалыхъ щекахъ дорожнаго человѣка и торчатъ пальцы изъ его разношеннаго сапога.

Но кто побогаче, въ бекешахъ, одѣтъ теплѣе, нарянѣе, — разное подпанство, — тѣ и бровью не поведутъ на бродягу: кому суждено погибать, пусть гибнетъ скорѣе. А гибель бездомнаго человѣка хуже собачьей.

Но однажды нагнали поручика сани. Въ нихъ два человѣка въ заинѣвшихъ бекешахъ. Поручикъ уже не ѣлъ два дня, впереди была студеная ночь въ полѣ, и онъ впервые снялъ рваную шляпу и попросилъ милостыню по-русски:

— Подайте, ради Христа...

Сани обдали снѣжной пылью, пронеслись подальше и остановились. Поручику машутъ съ саней. Онъ подошелъ.

— Ты русскій? — спросилъ его одинъ изъ путниковъ, сѣроглазый, съ тонкимъ лицомъ. Конемъ правилъ его товарищъ, рябой, съ серебряной серьгой въ ухѣ.

— Русскій, — отвѣтилъ поручикъ.

— Хочешь, тебя подвеземъ?

— Очень буду вамъ благодаренъ.

— Садись.

Рябой и сѣроглазый потѣснились. Поручикъ сѣлъ между ними:

— Спасибо, господа, не знаю, какъ и благодарить...

— Добре, добре, сиди... Тебѣ куда?

— Да я къ чешской границѣ... Родные тамъ у меня...

— Кто такіе?

А онъ и не знаетъ что сказать:

— Да свои, русскіе... А я вижу, и вы знаете русскій языкъ.

— Какъ же не знать, когда мы оба съ Карпатъ.

— Вотъ какъ хорошо, что вы съ Карпатъ...

Поручикъ отъ холода дрожалъ. Сѣроглазый прикрылъ ему ноги медвѣжьей полостью.

— А ты что то путаешь, добрый человѣкъ, — сказалъ сѣроглазый. — Говоришь родные... А здѣсь, у границы, русскихъ никого и нѣтъ.. Покажи твою легитимацію, кто такой.

Поручикъ хорошо зналъ это слово, и вынулъ изъ-за пазухи истрепанный желтый паспортъ быстрымъ, покорнымъ движеніемъ бродяги.

Сѣроглазый внимательно разсмотрѣлъ документъ:

— Ты русскій поручикъ?

— Такъ точно.

— На торфяныхъ работахъ былъ. А почему ушелъ?

Грудной голосъ этого человѣка, его сѣрые глаза, то, что говорилъ онъ какимъ то древнимъ и чистымъ русскимъ говоромъ, а главное, что занѣмѣли отъ дороги ноги, а въ саняхъ можно обогрѣться часъ или два, — все заставило поручика сказать:

— Потому ушелъ, что въ Чехію рѣшилъ пробраться... Черезъ Карпаты... Учиться иду... На Карпатахъ меня поймутъ, тамъ свои, помогутъ добраться до Праги, вѣрю... Но визы у меня нѣтъ.

— Эге, панъ поручикъ, да ты, я вижу, хочешь тайно границу перейти.

— Да. Тайно.

— А вотъ какъ мы передадимъ тебя чешскимъ и польскимъ жандармамъ, такъ они подѣлятъ тебя, раздерутъ на двѣ части...

Оба путника разсмѣялись и поручикъ улыбнулся:

— Не отдадите, чувствую, у васъ совѣсть есть...

Въ темнотѣ сани въѣхали въ небольшое село, миновали послѣднюю халупу и остановились. Рябой и сѣроглазый пошли въ халупу.

— А ты сиди тутъ, — сказалъ рябой поручику. — Мы сейчасъ назадъ будемъ, не бойся.

— Я ничего не боюсь, — отвѣтилъ поручикъ.

Онъ накрылся плотнѣе медвѣжьей полостью, пригрѣлся подъ нею и смотрѣлъ, какъ еще свѣтитъ вечерняя заря высоко, по ребрамъ синихъ Карпатъ, а внизу темнѣетъ, и ходитъ столбами морозный туманъ.

Сѣроглазый вынесъ изъ халупы ломоть хлѣба, колбасы и паленки - горилки.

— Подкрѣпись и пойдемъ.

— Куда?

— На Карпаты... Куда еще... У насъ тоже визъ нѣтъ. Да мы безъ визъ знаемъ туда дорогу.

— А сани, а конь?

— То не наши, мы ихъ здѣсь нанимали...

■●■

Вскорѣ трое шли въ полѣ гуськомъ по сугробамъ. Уже стало темно. Вѣтеръ крутилъ снѣгъ. По каменистой тропѣ они медленно потащились въ гору.

Рябой часто сходилъ съ тропы, прислушивался, даже ложился въ снѣгъ. Они шли петлями, вѣроятно, обходя пограничныя заставы. Потянулся низкорослый лѣсъ, заваленный снѣгомъ. Тропа подымалась круче.

Они вышли на просторъ, на ледяной вѣтеръ, на вышину. Тамъ въ свинцовомъ небѣ крутило метель.

Труднѣе стало дышать. Они подымались. Вѣтеръ гналъ въ лицо колючiй снѣгъ. Сапогъ поручика, подвя-

занный веревкой, ушелъ въ сугробъ. Онъ поджалъ босую ногу и нагнулся искать сапогъ, но гдѣ же найти: занесло.

— Иди, иди, — глухо, изъ метели, зоветъ сверху рябой.

Поручикъ пошелъ. Одна нога босая, другая въ рваномъ башмакѣ. Снѣгъ сталъ жечь босую ногу.

— Ты помѣшанный или нѣтъ? — сѣроглазый толкнулъ его въ спину. -- Ногу хочешь потерять, отморозить: оберни ее кожухомъ...

И онъ бросилъ ему на плечо кожухъ. Поручикъ обернулъ имъ ногу. Онъ подымался, и, сильно дыша, ослѣпшій отъ метели, нелѣпо попрыгивалъ съ кожухомъ на ногѣ.

Онъ подымался такъ же упорно на Карпаты, какъ когда то со стрѣлковымъ полкомъ, въ дни Великой Галиційской Битвы.

Гремѣла ночная метель. Съ гуломъ валила сосны въ ущелья. Все было, какъ грозный сонъ.

Поручика, ослѣпшаго отъ снѣга, обледенѣвшаго, чья то рука толкнула къ низкой дверкѣ, заваленной снѣгомъ.

— Дошли къ Попадѣ... Славу Богу... Ступай сюда.

Поручикъ узналъ голосъ рябого. Дверка подалась, оттуда дохнуло теплымъ запахомъ телятъ, сѣна, навоза. Заблеяла коза...

XIII.

За спиной поручика уютно вздыхалъ во снѣ теленокъ. Подъ головой былъ мѣшокъ съ гидравликой и послужнымъ спискомъ.

Дневной свѣтъ пробивался въ горный хлѣвъ сквозь щель двери. На охапкѣ сѣна поручикъ увидѣлъ бережно сложенный верховинскій кожухъ, карпатскую бѣлую рубаху съ вышивками, красные штаны, домотканные чулки и ремянные постолы.

Дверка подалась, поручикъ замигалъ отъ сильнаго свѣта. На порогѣ стоялъ сѣроглазый:

— Дай Боже, добрый день, панъ-поручикъ.

— Добрый день.

— Когда проснулся, умывайся, надѣвай чистую рубаху и ступай къ намъ въ овчарскую хату.

— Это для меня рубаха?

— А то для кого... Тебѣ надо перемѣниться: весь оборвался... Вставай, вставай, не лѣнись.

Въ хатѣ, куда вошелъ вскорѣ Кривцовъ, дымился на столѣ въ глиняныхъ и деревянныхъ мискахъ вареный картофель, стояло молоко, ломтями былъ нарѣзанъ хлѣбъ, а въ коричневыхъ скляницахъ дымчатаго стекла была, надо думать, паленка горилка.

За столомъ, въ бѣлой верховинской рубахѣ, сидѣлъ сѣроглазый. Видно, онъ былъ здѣсь главнымъ.

Рядомъ съ нимъ сидѣлъ черноволосый, смуглый и

костлявый человѣкъ, съ синими глазами. Онъ слегка покашливалъ. За нимъ поручикъ увидѣлъ того рябого, широкоротаго, который велъ ихъ въ горахъ. Рябой теперь былъ въ оловянныхъ очкахъ на веревочкѣ.

Рядомъ съ рябымъ сидѣлъ русобородый человѣкъ, похожій на пензенскаго или калужскаго мужика, съ грустными глазами. На его правой рукѣ было всего два пальца, друіе оторваны, и рука поросла кусками дикаго мяса. За двупалымъ поручикъ увидѣлъ мальчика, худого свѣтловолосаго хлопчика, тоже въ верховинской бѣлой рубахѣ, какъ всѣ за столомъ.

— Садись съ нами, ѣшь и пей, панъ царскій поручикъ, — привѣтливо сказалъ сѣроглазый, и перекрестился. Всѣ перекрестились.

Кривцовъ оглядѣлъ своихъ сосѣдей:

— Вы меня спасли, вывели на Карпаты, а я даже не знаю, кто вы, добрые люди...

— А тутъ добрыхъ людей и нѣтъ! — засмѣялся, скаля зубы, черноволосый, и закашлялся. — Тутъ всѣ разбойники и злодѣи...

— Вѣрно, всѣ, кого видишь, всѣ разбойники, — разсмѣялся и сѣроглазый. — Я Илько Лепей, карпатскій разбойникъ, а онъ какъ бы мой адъютантъ, Юрко Клевецъ... Тотъ, въ очкахъ, рябой Грачъ. Онъ насъ вчера велъ, а тамъ двупалый Поливко и овчаренокъ Голубка... Всѣ разбойники... Вотъ ты куда, панъ-поручикъ, попалъ.

— Но для меня какіе же вы разбойники, я вамъ и повѣрить не могу...

Кривцовъ отъ волненія поблѣднѣлъ:

— Вы одни помогли мнѣ, спасли меня, приняли. какъ родного... И что сказать, не знаю, и нѣтъ у меня такихъ словъ, чтобы сказать...

Рябой Грачъ посмотрѣлъ на него поверхъ очковъ и погрозилъ пальцемъ:

— А ты, панъ-поручикъ, молчи. Оно и лучше, что словъ нѣтъ. Молчаніе лучше словъ. Сказано: и наложу печать молчанія на уста твоя...

Лепей разсмѣялся:

— Грачъ у насъ первый философъ, онъ богословіе знаетъ, книголюбъ... Онъ грабить идетъ, а въ карманѣ книга заложена, какую не дочиталъ... Мы корчму въ дымъ разносимъ, онъ очки надѣнетъ и Писаніе дочитываетъ...

Всѣ дружно засмѣялись, рябой богословъ тоже.

Русобородый весело помахалъ надъ столомъ двупалой рукой:

— А вотъ, панъ-поручикъ, смотри, можетъ мнѣ твоимъ пулеметомъ пальцы срѣзало.

— Можетъ быть, — улыбнулся Кривцовъ. — Вы на фронтѣ гдѣ были?

— Въ Сербіи были, въ Галичинѣ были... Пѣхотнаго австрійскаго эрцгерцога Франца Фердинанда регименту, можетъ слышали?

— Что то вспоминаю... Постойте, да вы же подъ Бродами были.

— А то какъ же! — русобородый обрадовался. — Какъ же намъ подъ Бродами не быть, когда тамъ мнѣ русскимъ пулеметомъ всѣ пальцы скосило...

— Онъ безъ пулемета скучаетъ, — вмѣшался Лепей. — «Если бы намъ, Илько, да пулеметъ противъ жандармовъ»... А такъ смирнѣе и человѣка нѣтъ. Онъ долинянинъ, пчеловодъ. Какое хозяйство было. А пришелъ ко мнѣ въ горы. Я спрашиваю: зачѣмъ ты, Поливко, пришелъ? А онъ говоритъ: овдовѣлъ я, не въ мочь стало дома, а люди говорятъ ты, Илько, по горамъ гуляешь. Вотъ я и пришелъ, отъ тоски, вмѣстѣ гулять...

Сосѣдъ Лепея, худощавый, черноволосый Юрко, сильно закашлялся. Всѣ примолкли.

— У-у, проклятый! — съ гнѣвомъ, сквозь кашель, выговорилъ Юрко.

— Это тебѣ каторга грудь отшибла, — съ сожалѣніемъ усмѣхнулся Лепей. — Самъ, какъ желѣзо, а грудь отбита... Когда бы ты, панъ-поручикъ, былъ докторомъ, послушалъ бы его...

— Не надо мнѣ докторовъ, — съ раздраженіемъ сказалъ Юрко, утирая рукавомъ рубахи лицо. Отъ кашля онъ поблѣднѣлъ, лицо осунулось, еще синѣе стали глаза.

За столомъ шумѣли, говорили всѣ вмѣстѣ.

— А онъ кто такой? — съ любопытствомъ, вполголоса, спросилъ Кривцовъ Лепея.

— Юрко то? Юрко среди насъ каторжникъ настоящій... Онъ взломщикъ и воръ. Ему жизнь ни во что, ни своя, ни чужая... Видишь, какъ грудь его мучаетъ, бьетъ...

XIУ.

Подъ шумный говоръ Кривцовъ разспрашивалъ Лепея.

Тотъ охотно разсказалъ, какъ нашелъ на тюремномъ дворѣ желѣзину и какъ точилъ ее по ночамъ съ Юрко, сколько ночей скрытно точили о камень, выточили въ долото и расшатали рѣшетку въ окнѣ арестантской умывалки.

Лепей разсказалъ объ американскомъ наслѣдствѣ. Точно молнія ударила, раскроила старую семью, деньги всѣхъ заманили, запутали. Денегъ такъ и не видно, а онъ уже сталъ изъ-за нихъ каторжнымъ.

— Вотъ что я понялъ, панъ-поручикъ, — съ грустной усмѣшкой говорилъ Лепей. — Пусть я сталъ грабителемъ, разбойникомъ, а деньги мнѣ противнѣе самой противной грязи на свѣтѣ... Вѣришь ли, мнѣ ихъ теперь въ руки брать тошно.

Илько разсказалъ и о томъ, зачѣмъ ходилъ съ рябымъ Грачемъ въ Галичину, когда встрѣтилъ поручика. Они искали въ Галичинѣ цыганскій таборъ.

Нашли они цыганскій таборъ и цыгана-коновала нашли, у котораго былъ такой же карабинъ, какъ у Илько, и тотъ же патронъ, какой прострѣлилъ затылокъ старому уйкови.

— Пришли мы въ таборъ, — задумчиво, все съ легкой усмѣшкой, говорилъ Илько. — Гдѣ коновалъ, коню

бросить кровь? На насъ смотрятъ и отвѣчаютъ: туда ступайте, тамъ коновалъ. Подошли мы къ кибиткѣ. Огонь разложенъ, вокругъ кричатъ старыя и молодыя цыганки, плачутъ дѣти. Гдѣ коновалъ? Показали намъ на кибитку. Я откинулъ кожаную занавѣску, а за нею, на тряпьѣ, лежитъ коновалъ, вытянулся. Синій мертвецъ, и подбородокъ сѣдой щетиной заросъ. Я его за костлявое плечо сильно взялъ, — какъ же теперь, кто мнѣ отвѣтитъ теперь, кто убилъ уйка, — и откинулась посинѣвшая рука мертвеца. За день, какъ намъ придти, умеръ коновалъ... Такъ все и вижу, такъ все и слышу, какъ цыганки горько кричатъ у костра.

Лепей тряхнулъ головой, разсмѣялся. Смѣхъ былъ невеселый.

— Видно, мнѣ нѣтъ доли на этомъ свѣтѣ... Или доля моя быть злодѣемъ.... Теперь кто повѣритъ, что не я убилъ уйка... За виновнаго передъ всѣмъ свѣтомъ теперь я виноватъ.

Въ другомъ концѣ стола заспорили рябой и двупалый, веселому спору помогало вино, — что бы они дѣлали, будь они знатными панами, генералами, министрами, а то губернаторами на Карпатахъ.

— Ильку, Ильку, а ты что бы дѣлалъ, если бы сталъ губернаторомъ? — позвалъ его двупалый.

— Эге, губернаторомъ...

Илько съ охотой перемѣнилъ невеселыя мысли:

— Да когда бы я сталъ губернаторомъ, приказалъ бы утвердить первый законъ: какъ державы постановили, какъ и въ чешскомъ законѣ о томъ написано, чтобы было въ Карпатскомъ Краю свое управленіе, отъ Попрады до Тисы, такъ первое, чтобы былъ исполненъ тотъ законъ... И второй мой законъ: поостригъ бы я ногти, — ой, сильно бы поостригъ, — всѣмъ, кто сидитъ на шеѣ карпатскаго народа. Да и пановъ - чинов-

никовъ заодно отослалъ-бы назадъ въ Прагу: вычесалъ бы желѣзной скребницей съ карпатской спины лишнихъ блохъ. И былъ бы второй мой законъ: карпатскій народъ у себя въ домѣ и на своей землѣ вольный хозяинъ. И третій былъ бы законъ, чтобы самыя высокія школы, и механику тамъ, и технику, и лѣсное и горное дѣло знать, и какъ людей учить, и какъ людьми вѣрно править, и богословіе, — открылись чтобы въ нашемъ Краю и для насъ. Мы все сами можемъ. Почему въ Америкѣ мы богатѣемъ, всего достигаемъ, — изъ нашихъ, карпатскихъ, и губернаторы въ американскихъ штатахъ есть, — а на родной землѣ, въ Старомъ Краю, по прежнему нищета, да соломенныя села... Такъ былъ бы мой третій законъ, чтобы воздѣлать, какъ садъ Божій, Карпатскій нашъ Край... Мнѣ Иванъ Куртякъ говорилъ: есть у насъ въ Карпатскомъ Краю не только лѣса, да горы, а въ нашей землѣ есть желѣзо, уголь и золото есть, и быстрыя наши рѣки могутъ дать силу для многихъ заводовъ... Мы можемъ сами воздѣлать нашъ Край. И четвертый мой законъ: позвалъ бы я всѣхъ русскихъ, разсѣянныхъ по свѣту, и карпатскій народъ изъ Новаго Края въ Старый, — идите и воздѣлывайте вашу вольную отцовскую землю во имя Божіе, въ славѣ, силѣ, богатствѣ... Въ нашемъ гербѣ — медвѣдь. И поднялъ бы я высоко надъ Карпатской Русью нашъ гербъ, а съ нимъ нашъ веселый русскій флагъ, и дивовались бы всѣ народы: чудо-Край, Карпатская Русь... А ну, Голубка, налей всѣмъ вина.

Вино было разлито, Лепей поднялся:

— Выпьемъ же первую чашу за нашу Мать — Россію.

— Да живетъ! — дружно отвѣтили всѣ, поднимаясь.

— А вторую нашу чашу выпьемъ за Карпатскую Русь...

Шумно стало за столомъ. Вино шумѣло въ головахъ. Кривцова растрогалъ этотъ невысокій, улыбающійся, блѣдный Илько разбойникъ. Поручикъ положилъ руку на его довольно тонкую руку.

— Хорошо я рѣчь говорилъ? — наивно улыбнулся Илько.

— Очень хорошо.

— И чашу поднялъ за Матку-Россію... Это для тебя: ты гость.

— Слушай, Илько, отъ всей души тебѣ говорю... Такъ значитъ вѣрно, что бываютъ судебныя ошибки. Изъ-за нея вся твоя жизнь стала ошибкой. Какой же ты злодѣй... И вотъ слушай: хочешь, я останусь съ тобой. Когда надо, хочешь, я для тебя за пулеметъ лягу. И когда тебѣ моя жизнь нужна — возьми... Я тебѣ говорю, какъ русскій офицеръ, — я готовъ дать тебѣ честное слово вѣрности, долга, остаться съ тобой...

— Эге-ге, панъ-поручикъ, карпатское вино, я вижу, и въ тебѣ запѣло на разные голоса... Нѣтъ мнѣ твоей службы не надо. И нечего тебѣ съ нами по горамъ бродить. Ты разбойнаго дѣла не понимаешь, и пулемета у меня для тебя нѣтъ... Учиться иди, какъ задумалъ. Я тоже учиться хотѣлъ, на механика, да видишь, куда меня повернуло... Въ Прагѣ тебѣ русскіе эмигранты помогутъ, а я дамъ тебѣ грошей на дорогу, до Праги... А когда ты мнѣ, правда, понадобишься, я тебя позову... Я тебѣ писать буду въ Прагу. Только ты тамъ обо мнѣ никому ни слова, не то схватятъ тебя въ полицію и пропадешь въ мигъ, панъ царскій поручикъ... Все разумѣешь, что говорю?

— Все.

— Такъ молчи.

До сумерекъ разбойники сидѣли за столомъ и еще о многомъ разсказалъ Илько царскому поручику. Объ од-

номъ только почему то не разсказалъ, какъ принялъ лѣтомъ венгерскую панночку за вѣтерницу и какъ отпустилъ ее съ горъ въ лунную ночь. О панночкѣ не говорилъ Илько никому: всегда о ней думалъ.

А въ самыя сумерки, Лепей съ Юрко, Голубка, Грачъ и Поливко, — всѣ крѣпко навеселѣ, — провожали поручика въ путь. Рябой съ двупалымъ шли по тропѣ подъ руку и пѣли такъ нестройно и громко, что далеко, внизу, въ темномъ селѣ, разлаялись собаки.

Просторный вѣтеръ шумѣлъ у придорожнаго высокаго креста. Здѣсь и простились они съ паномъ поручикомъ.

— У насъ въ церквахъ и въ хатахъ молятся за Россію, — сказаъ Лепей. — Да освободится она, мать наша, отъ коммуништовъ — янычаръ... Помолимся и мы на дорогу, чтобы освободилась Россія, вернулся бы ты на родину, и не забывалъ Карпатъ...

Всѣ сняли шапки, покрестились. Вѣтеръ сильно понесъ назадъ деревенскіе, выгорѣвшіе волосы этихъ простыхъ горныхъ людей...

■●■

Андрей Кривцовъ такъ и пришелъ въ Прагу въ верховинской рубахѣ и въ кожаныхъ постолахъ.

Черезъ мѣсяцъ русскіе эмигранты устроили въ студенческій домъ новаго студента инженернаго отдѣленія, а еще черезъ недѣлю онъ получилъ съ Карпатъ открытку безъ подписи, писана карандашемъ, твердой рукой.

Кто то спрашивалъ «братко Андрія» о здоровьѣ и обѣщалъ прислать къ Рождеству «трохи мало грошей».

И на Рождество, въ самый канунъ Святого Вечера, Кривцовъ получилъ съ Карпатъ денежный переводъ.

XV.

Нѣтъ нигдѣ такого Святого Вечера, какъ на Карпатахъ.

Только на Карпаты въ Святой Вечеръ слетаются ангелы и ходятъ тамъ по дорогамъ, отъ села къ селу.

Ихъ небесныя бѣлыя одежды обмерзли, въ инеѣ, на головахъ серебряныя и золотыя короны, опоясаны ангелы небесными мечами. А за спиной бѣлыя крылья.

Ангельскія обмерзшія крылья шуршатъ на морозѣ. Ангелы сами озябшіе. Можно замѣтить, какъ иной подыметъ край бѣлыхъ одеждъ, чтобы утереть дѣтскій носъ, а то вытащитъ простую губную гармонику и станетъ наигрывать. На ихъ дѣтскихъ ногахъ ременные овчарскіе постолы, короны изъ серебряной и золотой бумаги, и серебряной бумагой оклеены деревянные мечи.

Ангелы носятъ по селамъ Вифлеемскій вертепъ, Рождественскую пещеру, въ ней маленькая церковка съ колокольней, волы у яслей, Дѣва Марія и кротчайшій Младенецъ. Вертепъ освѣщенъ изнутри и освѣщаетъ огнемъ склоненныя къ нему ангельскіе лики.

Ангелы приходятъ въ дома окутанные морознымъ паромъ, они откашляются, подуютъ въ кулачки, чтобы согрѣться, и запоютъ дружно и бодро, мальчишескими голосами:

Слава въ вышнихъ Богу.
На землѣ миръ,

И въ человѣцѣхъ благоволеніе...

А съ ангелами ходятъ по домамъ вифлеемскіе пастухи, кто увидѣлъ первыми въ небѣ звѣзду. Они ставятъ посреди горницы вертепъ и кланяются Младенцу. Простыя лица пастуховъ тоже освѣщаетъ огнемъ. Пастухи просятъ Младенца быть милостивымъ къ карпатскому народу.

Такъ идетъ по домамъ вертепное дѣйство на Святой Вечеръ.

Но какое же дѣйство на свѣтѣ можетъ обойтись безъ чорта? Потому, вѣроятно, на Святой Вечеръ чортъ и увязывается бродить за ангелами по карпатскимъ селамъ.

Рогатый, хвостатый, съ высунутымъ краснымъ языкомъ. Хвостище изъ промерзшей мочалы, прутьевъ, самъ измазанъ сажей, и языкъ изъ красной бумаги.

— Не вѣрьте! — кричитъ чертяка, когда пастухи кланяются вертепу. — Не будетъ вамъ въ полночь звѣзды... Садитесь теперь же колбасы ѣсть.

Но выходитъ тутъ ветхій дѣдо, борода чуть не до полу, изъ горнаго, зеленаго, мха. Древній дѣдо, а весело блистаютъ мальчишескіе глаза надъ зелеными мхами. Дѣдъ гонитъ чорта и дѣтскимъ голосомъ подаетъ вифлеемскую вѣсть:

Звѣзда въ небѣ засіяла
Новая радость стала
Якая не бывала...

Такъ, ходятъ въ Святой Вечеръ по селамъ ангелы, вифлеемскіе пастухи, а съ ними звѣзды.

Звѣзды ходятъ и высоко въ небѣ, въ морозномъ сіяніи, и у свѣтящихся хатъ. Внутри звѣздъ огни, сама въ восемь лучей. Покачиваются на высокихъ шестахъ. Такъ носятъ ихъ хлопчики, а звѣзды изъ сита, оклеены

красной и синей бумагой, въ восемь лучей, съ обмерзшей бахромкой.

Звѣзда качается подъ окномъ. Хлопцы поютъ карпатскую колядку:

Шла звѣзда краемъ свѣта
И встрѣтила апостоловъ!
И встрѣтила апостоловъ:

Спрашиваетъ апостоловъ звѣзда и отвѣчаютъ ей апостолы:

— Ой, мы сумны печальны
Бо мы Христа не видали...

Но дѣтскіе голоса утѣшаютъ апостоловъ, что они, — звѣзды-хлопчики, — видѣли Христа и какъ правой ручкой Онъ хлибца ризалъ, и какъ имъ, хлопчикамъ, давалъ:

— Ишьте, пейте, меня памятайте...

Святой Вечеръ. Гдѣ еще есть такой на свѣтѣ? Звѣзды и ангелы, пастухи и дѣти; такъ простые люди въ горныхъ селахъ на Карпатахъ встрѣчаютъ своего простого Христа.

Села звучатъ отъ пѣнія. По домамъ сходится родня. Въ домахъ такая праздничная чистота, какъ въ церкви. Все прибрано и хозяйка настелетъ еще по горницамъ чистой соломы. Въ хлѣву, овцамъ и коровамъ, тоже постелетъ чистой соломы: какъ въ вертепѣ Младенческомъ.

До церковной службы люди садятся только за святую вечерю: сушеные фрукты, сухой виноградъ. Хозяйка вынесетъ воламъ, козамъ и телкамъ сушенаго винограда, покормитъ ихъ со своей хозяйской руки, чтобы имъ тоже была вифлеемская радость.

Люди сидятъ чинные, строгіе, всѣ убраны по праздничному. Дивчата и молодицы въ монистахъ, всѣ въ новыхъ бѣлыхъ рубахахъ, ярчайшія вышивки на плечахъ и на рукавахъ. Люди сидятъ и поютъ старыя рождественскія пѣсни, сивые дѣды поютъ, и дивчата, и малые хлопцы, о дивномъ Сынѣ Божіемъ, о небѣ, о землѣ.

А въ самую полночь ударитъ колоколъ ко Всенощной, затрубятъ трубы овчаровъ, зажгутся у церквей огромные костры. Весь крещеный міръ на Карпатахъ пойдетъ тогда ко Всенощной.

Съ вечера люди смотрѣли въ освѣщенные малые вертепы, а въ церкви сами стоятъ, какъ въ Вифлеемскомъ чертогѣ, горящемъ огнями.

У алтаря хлопцы, за ними парубки, дивчата, за ними молодицы съ мужьями, а всѣхъ сзади бабы, да дѣды. Въ рукахъ горящія свѣчи, медовыя, темно-коричневыя. Отъ нихъ разлитъ по церкви свѣтлый медовый духъ...

XVI.

Къ разсвѣту всенощная кончается.

Становится утро Рождества. Всюду звонки, бубенцы, колокольцы. Зимній воздухъ бренчитъ, смѣется, болтаетъ, точно и онъ напился веселаго, праздничнаго вина. Носятся легкіе санки въ одного коня, взметая снѣжную пыль.

На Карпатахъ любятъ снѣгъ и быструю ѣзду. Тамъ и коней поятъ горилкой, чтобы мчались веселѣе.

Звучатъ по селамъ вѣнскія гармоніи, сопѣлки, гдѣ скрипка, гдѣ гитара.

Въ домахъ наварено, напечено на три дня, только на столъ подавай: и колбасы, и ягня, и порося, или просто фасоль съ квашеной капустой, а то кукурузная каша на сметанѣ, верховинская кумырда.

Нѣтъ такого крещенаго человѣка въ селѣ, кто бы не исповѣдывался за недѣлю до Рождества и нѣтъ теперь такого, кто бы не веселился.

Подъ окнами ребята поютъ: «Весели, весели и Бога хвали».

Въ селахъ елки горятъ на улицахъ, маленькія елочки-ялечки зажигаютъ въ домахъ, ребятъ одариваютъ свистульками и пряниками изъ Ужгорода и Мукачева, добрые

люди носятъ подарки, какіе соберутъ, и по вдовьимъ бѣднымъ домамъ.

■●■

Въ такой то день, когда веселятся люди, по дорогѣ изъ села въ село шли два ангела.

Шуршали ихъ обмерзшіе крылья, оба ангела въ серебряныхъ коронахъ и опоясаны серебряными мечами.

Одинъ грызъ пряникъ, другой наигрывалъ на губной гармоникѣ. И повстрѣчался ангеламъ въ полѣ неизвѣстный верховинецъ, въ легкомъ кожухѣ, въ лисьей шапкѣ, лицо тонкое, блѣдное.

— Добрый день, ангелы Божіе, — сказалъ верховинецъ.

— Добрый день, человѣче, — отвѣтили ангелы.

Прошли, а верховинецъ еще долго смотрѣлъ имъ вслѣдъ и слушалъ, какъ затихаетъ въ морозномъ воздухѣ ангельская гармоника.

Неизвѣстный верховинецъ выходилъ и на огни къ церкви.

Никто не зналъ его въ лицо, а когда кто спрашивалъ, откуда онъ, называлъ верховинецъ такое дальнее село, что другимъ и невѣдомо, гдѣ оно на Карпатахъ, у самой Венгріи, или Словакіи.

Этотъ человѣкъ былъ Илько.

Овчаренокъ Голубка провожалъ его по горамъ, до первой тропинки въ ущельѣ. Тамъ въ еляхъ гудѣла метель.

— Такъ ты пойдешь въ село, Ильку?

— Пойду. Я завтра вернусь.

— Смотри, чтобъ тебя въ селѣ не схватили. Всюду ходятъ жандармы.

— Знаю. А все пойду. Людей послушать хочу. Тоска къ людямъ зоветъ, запеклась во мнѣ...

— Ладно ужъ, тоска. Смотри, чтобы не схватили: пропадемъ безъ тебя.

— Не схватятъ, Голубка. Завтра вернусь...

Смутно звенитъ, поетъ-бренчитъ въ селѣ праздникъ.

Неизвѣстный верховинецъ входитъ молча на вечерницы, снимаетъ лисью шапку, садится на скамью, у стѣны, съ парубками, послушать пѣсни дивчатъ.

Дивчата, играя монистами, поютъ старыя и новыя пѣсни, — коломыйки.

Онѣ поютъ и объ Илько Лепеѣ, карпатскомъ разбойникѣ. Дивчата смотрятъ на неизвѣстнаго человѣка, не то страшатся, не то стыдятся его. Тогда онъ возьметъ со скамьи лисью шапку и молча уйдетъ.

■●■

И былъ такой Святой Вечеръ, когда на самомъ краю села Березова кто-то постучалъ въ окно бѣдной хаты вдовы Ильяны.

— Кто тамъ?

Ильяна затеплила огонь. Со скамьи, изъ подъ кожуховъ, высунулось четыре-пять свѣтлыхъ дѣтскихъ головенокъ. Всѣ трутъ кулачками глаза, проснулись отъ свѣта и стука. Въ углу двѣ пары рваныхъ постоловъ на всю семейку: ребятамъ не въ чемъ въ школу ходить, ходятъ по очереди. Охапка соломы на дощатой постели. Въ нетопленной печи груда холодной золы, разбитый и почернѣвшій горшокъ.

Одичавшая, тощая кошка, выгибая спину, тоже смотритъ на огонь.

— Кто тамъ гремитъ?

— Отпирай, не бойся, хорошія вѣсти принесъ.

Ильяна посмотрѣла въ окно. Въ морозномъ туманѣ

стоитъ невысокій молодой верховинецъ, красный поясъ, богатый кожухъ. Вдова отомкнула дверь хаты:

— Когда ты добрый человѣкъ, входи съ Богомъ... Кто такой, какія вѣсти принесъ?

Верховинецъ вошелъ и молча высыпалъ изъ краснаго паса - пояса на столъ груду звонкаго чешскаго серебра:

— Десятъ тысячъ кронъ, для тебя и твоихъ ребятъ. Вотъ мои хорошія вѣсти...

Чудится вдовѣ, снится сонъ, и дрожитъ она и крестится.

Босыя ребята обступили столъ, видны надъ нимъ однѣ свѣтлыя головенки. И кошка прыгнула на столъ. Всѣ смотрятъ на груду серебра. Вдова очнулась, ударила руками въ изсохшую грудь:

— Да откуда мнѣ такія деньги!.. Кто ты такой?

— Я Илько-разбойникъ... Деньги чистыя, мои, береженыя. Тебѣ нужнѣе, чѣмъ мнѣ. Я подумалъ: отдамъ вдовѣ въ Святой Вечеръ... Когда посмѣлъ разбойникъ просить у самого Господа «помяни меня во Царствіи Твоемъ», я подумалъ, пойду къ вдовѣ и попрошу поминать меня въ молитвѣ, заодно съ прочими...

Скажетъ такъ, надѣнетъ лисью шапку и уйдетъ.

Вдова бросится за нимъ на улицу изъ хаты, а уже никого нѣтъ. Свѣтитъ играетъ огнями морозная ночь.

Вдова станетъ посреди улицы, за голову схватится: сонъ снится, не вѣритъ...

Да и кто бы повѣрилъ, что въ 1934 году, на Карпатахъ, снова стали сбываться сказанія Четьи-Миней о милосердномъ разбойникѣ, кто бы повѣрилъ, если бы не было то правдой, если бы не ходилъ тамъ въ тѣ годы по горамъ и селамъ разбойникъ Илько Лепей.

XVII.

Лѣтомъ въ лѣсу сильно пахнетъ смолой.

По лѣсной дорогѣ, блистая стеклами, тащится пассажирскій пыльный автобусъ.

Вдругъ прогремѣлъ выстрѣлъ. На дорогѣ, съ карабинами, стоятъ пятеро. Автобусъ застопорилъ. Крикъ, вопли. Пассажиры бросаются къ окнамъ.

Подходятъ пятеро съ карабинами и наступаетъ страшная тишина. Тогда слышно, какъ птицы щебечутъ. Кто-нибудь, выкативши отъ страха глаза, прошепчетъ:

— Илько Лепей...

Рябой, верховинецъ, въ красныхъ штанахъ, костлявый, въ ухѣ серебряная серьга, застучитъ карабиномъ по желѣзной стѣнкѣ автобуса:

— А ну выходите, панове...

И всѣ, какъ стадо, выходятъ на дорогу: лысый нотарь съ потнымъ лицомъ, въ парусиновомъ пиджакѣ, шинкарка, у которой шипитъ въ корзинѣ гусь съ открытымъ клювомъ, сытые торговцы, старичекъ-учитель съ зонтикомъ, уніатскій попъ румяный старикъ въ серебряной сѣдинѣ, въ черной выгорѣвшей сутанѣ, съ нимъ сѣдая старушка-поповна. Всѣ стали къ стѣнкѣ автобуса.

— Да вамъ, отче превелебный, не надо, — окликаетъ сѣдого попика молодой голосъ. И всѣ знаютъ: Илько.

А одинъ изъ разбойниковъ, хлопецъ въ бѣлой рубахѣ, — это Голубка, — снимаетъ соломенную шляпу и под-

ходитъ, сложивши руки, подъ благословеніе священника.

Черноволосый, сухощавый разбойникъ, жестоко скаля зубы, тѣмъ временемъ отбираетъ кошельки, бумажники, стаскиваетъ съ пальцевъ тугія кольца.

— Всѣ въ автобусъ!

Снова загремѣлъ выстрѣлъ. Пассажиры, какъ тѣсное стадо, забираются въ машину.

— Трогай!

И по лѣсной дорогѣ, кидаясь съ колеи на ухабъ, тарахтитъ автобусъ, чтобы только поскорѣе уйти отъ разбойниковъ.

Пассажиры наталкиваются другъ на друга, лица на всѣхъ нѣтъ, закрывается чистымъ платочкомъ отъ страха старушка-поповна: какъ напугалъ Илько-злодѣй.

А по лѣсной тропѣ, ныряя въ свѣтъ и въ тѣнь, пробираются въ чащу грабители. и любуется Юрко на свою загорѣвшую тощую руку: пальцы унизаны дутыми перстнями, кольцами съ камушками, въ рукѣ цѣпочки отъ часовъ. Только у стараго учителя и у попика съ сѣдой поповной ничего не тронули, какъ приказалъ Лепей.

Юрко весело скалитъ зубы, точно веселый, смуглый звѣрь. Исчезъ съ другими, нырнулъ въ листву...

Такъ Лепей грабилъ лѣтомъ.

Никогда онъ не трогалъ ни учителя, ни доктора, ни священника, ни селянина. Зато у другихъ отбиралъ все: документы-легитимаціи, деньги, корзины, чемоданы, находилъ въ автобусахъ и по корчмамъ карабины, наганы и дальновиды-бинокли.

Лѣтомъ лѣса занимались пожарами.

Можетъ быть солнце жгло высохшій мохъ и трухлявое дерево, можетъ быть лѣса палили жандармы, чтобы выгнать оттуда Лепея.

Огненными потоками пожаръ стекалъ въ лѣсныя ущелья, разстилался дымомъ, выкидывалъ пламя, какъ тысячи ярыхъ знаменъ.

Изъ ущелій лѣсной пожаръ летѣлъ языками въ черныя горы.

Высокая сухая ель или яворъ, охваченныя огнемъ, казались издали пламенными колоннами. Текла, сверкая, раскаленная смола.

Ночью пожаръ перелеталъ огнями въ лѣсной чащѣ, точно тамъ носились съ факелами духи лѣсовъ и горъ. Вдали пожаръ катился огненными клубами, отъ нихъ краснѣло, дышало небо и разносился далеко торжественный гулъ и трескъ. А тамъ гдѣ пожаръ проходилъ, лѣсъ былъ точно изъѣденъ мертвыми просѣками: земля, сѣрая отъ пепла, ряды сгорѣвшихъ деревьевъ, съ красной отъ огня листвой, какъ ржавые скелеты съ черными костями.

Отъ пожаровъ Лепей поднимался все выше, въ горы.

Онъ и его люди выходили изъ горящихъ лѣсовъ, какъ изъ боя, съ карабинами на перевѣсъ, въ хлопьяхъ пепла, почернѣвшіе отъ гари.

Впереди, чихая, всегда шелъ медвѣдь...

Лѣтомъ Илько спускался въ села допытывать у людей, кто убилъ стараго уйка, но, какъ побывалъ въ Галичинѣ, уже не допрашивалъ никого. Точно въ яромъ отчаяніи, что не найти больше правды, нападалъ онъ ночью на лавки, на шинки, все разбивалъ, дѣлился добычей съ бѣдняками и уходилъ въ горы.

Лепей сталъ злодѣйствовать. Его стерегли, какъ звѣря...

■●■

Теперь въ горахъ бушуетъ метель, гремятъ обвалы.

Въ такую пору никому не замѣтить, какъ на полонинѣ, надъ заброшенной колибой, вьется дымокъ.

Въ колибѣ горитъ огонь между камней. У огня лежитъ на кожухѣ рябой Грачъ въ оловянныхъ очкахъ, въ ухѣ

поблескиваетъ серьга. Онъ покачиваетъ ногой и читаетъ потрепанную книжку, рваную школьную хрестоматію Сабова, Богъ знаетъ какъ она попала сюда. Разбойникъ читаетъ по складамъ Пушкина:

Послѣдняя туча разсѣянной бури,
Одна ты несешься...

Русобородый Поливко, двупалый пулеметчикъ, сидитъ рядомъ и наигрываетъ на губной гармоникѣ.

Юрко лежитъ на животѣ и ловко подбрасываетъ въ воздухъ мѣдныя монеты: тѣ каждый разъ пропадаютъ въ его рукѣ. Юрко учитъ Голубку фокусамъ, какимъ самъ научился когда то на ярмаркахъ. Лихорадка мучаетъ Юрко, потемнѣли, ввалились его щеки.

А Илько ходитъ по краю полонины, надъ ущельемъ: его чередъ быть въ караулѣ. Заноситъ снѣгомъ карабинъ и дальновиды - бинокли на ремнѣ.

За Илько мягко ступаетъ медвѣдь. Тоже сторожитъ колибу отъ жандармовъ.

Надъ звѣремъ отъ дыханья колеблется паръ. Пуля жандарма пробила ему осенью заднюю ногу. Жилистая нога отощала,стала сохнуть. Медвѣдь идетъ за Илько,поджимая перебитую лапу. Онъ уткнулся на ходу холодной мордой въ руку Илько, лизнулъ шершавымъ языкомъ, какъ собака.

Кипитъ гремитъ метель, все сметено, нѣтъ больше ни неба, ни земли, ни пропастей, ни горъ...

Въ ущельѣ носятся со стономъ снѣжные вихри, точно изъ всѣхъ урочищъ Карпатъ слетѣлись вереницы привидѣній. Мчатся вѣдьмы босоркани, визжатъ вѣтерницы...

Лепей помнитъ будапештскую панночку, какую принялъ лѣтомъ за вѣтерницу. Гдѣ она, помнитъ ли о немъ?

Пусть крутитъ метель, онъ нашелъ бы дорогу въ до-

лину безъ тропъ, по обрывамъ, онъ обошелъ бы заставы и западни, онъ въ морозномъ воздухѣ чуетъ жандармовъ, по запаху табака, солдатскаго сукна, онъ тамъ вышелъ бы внизъ, гдѣ и звѣрь не находитъ прохода. И пошелъ бы къ панночкѣ. Посмотрѣть бы на нее еще разъ. Испугалась бы, вѣроятно: бѣглый каторжникъ пришелъ, злодѣй...

Незачѣмъ на нее смотрѣть, и вѣрно, что онъ сталъ злодѣемъ. Теперь онъ за виновнаго передъ всѣмъ свѣтомъ виноватъ. Одно осталось: злодѣйствовать.

Раньше спускался внизъ, въ села, отъ тоски по человѣку, а теперь за добычей ходитъ, — за грошами, хлѣбомъ, сапогами. табакомъ, — и все равно гдѣ брать и отъ кого брать; звѣрю и тому надо жить.

Въ ущельи метель, точно бросаетъ цѣпи, точно всѣ души, всѣ силы Карпатъ вырываются съ воплями отъ своей судьбы и бряцаютъ цѣпями.

Душу бы отдалъ за свой край, и не одну, а двѣ жизни, если бы были двѣ. А сталъ на Карпатахъ злодѣемъ...

Въ послѣдній разъ, когда ходилъ тайно въ село, стоялъ подъ окномъ и слушалъ, какъ поютъ дивчата на вечерницѣ.

Нѣжны, легки дѣвичьи голоса, въ нихъ задумчивое дыханіе самихъ Карпатъ.

Дивчата пѣли о разбойникѣ Илькѣ, какъ отдали за него насильно дивку Василину замужъ въ горы, какъ прижила отъ него Василина дитя, и подслушалъ разбойникъ жалобу Василины; лучше бы развѣять, разсѣчь ей разбойничье дитя, чѣмъ быть ему матерью. И повелъ разбойникъ Василину высоко въ горы, тамъ и зарѣзалъ...

У него ноги въ рваныхъ постолахъ, онъ какъ затравленный волкъ, а сталъ онъ страшенъ своему народу, уже тяжелъ для народа его полетъ.

И куда, зачѣмъ его полетъ на Карпатахъ: грабежъ и

убійства. Его именемъ теперь покрываютъ любой разбой, любое убійство.

Ждали витязя, защитника, справедливаго судью. А какой Илько витязь: онъ разбойникъ...

Крутятъ съ визгомъ босоркани, вѣтерницы.

Вьюга гремитъ на Карпатахъ. Илько, занесенный снѣгомъ, опирается на карабинъ. За нимъ медвѣдь узкой лапой роетъ снѣгъ и чихаетъ...

XVIII.

Елена Гичи въ Будапештѣ о Лепеѣ не помнила. У нея осталось только чувство досады, что этотъ жалкій человѣкъ своровалъ такъ ничтожно, по рабски, ея золотые и серебряные пустяки.

Она читала въ газетахъ, что чешскіе жандармы еще не схватили его. Цѣлый легіонъ жандармовъ противъ одного человѣка. Это ее смѣшило, а иногда она думала, съ лукавствомъ, что на вокзалѣ въ Хустѣ была на мгновеніе сообщницей карпатскаго грабителя, и тогда ей вспоминались его свѣтло-сѣрые глаза съ веселыми огнями.

Она досадовала не на то, что онъ разбойникъ, а на то, что онъ такой жалкій, ничтожный разбойникъ, если польстился на ея дорожный вздоръ.

Сѣрый Будапештъ, съ его гармонической могущественной красотой, былъ подъ снѣгомъ.

Городъ подымался отъ Дуная со своими соборами, мостами, монументами, какъ огромное видѣніе. На улицахъ сновали легкія санки со звонками. Отъ снѣга были свѣтлы лица прохожихъ. На тихой улицѣ, гдѣ стоялъ домъ Гичи, за рѣшетками такихъ же старинныхъ домовъ, сады подъ снѣгомъ были нѣжны и пушисты. Отъ освѣщенныхъ оконъ на снѣгъ падали дорожки свѣта. У подъѣздовъ были каменные львы. Изъ домовъ слышалась смутная музыка.

Въ залѣ у Гичи, гдѣ уже давно не зажигались

люстры, въ стеклянныхъ шкафахъ хранились мундиры и мѣдные кивера прадѣдовъ съ краснымъ сукномъ и мѣховымъ бобрикомъ. Въ шифоньеркахъ были блѣдные альбомы съ дагеротипами и связками выцвѣтшихъ волосъ тѣхъ юныхъ Гичи, кто палъ когда-то въ бояхъ, не вернулся изъ похода.

Жизнь старой семьи, гдѣ послѣдней осталась дѣвушка, а съ ней старая тетка Анни, была похожа на изсякающія, умолкающія воды.

Тетка Анни, съ ея лорнетомъ много курила. Она была министромъ финансовъ въ домѣ. Въ послѣдній годъ она все чаще говорила Еленѣ, что надо или выходить замужъ, или искать службу гдѣ нибудь въ банкѣ. Это было скучно слушать.

Елена любила забираться съ книжкой въ большую постель прабабки. Тамъ она мечтала. Еще казалось, что съ нею должно случиться что-то необыкновенное, прекрасное. Но часто она думала съ насмѣшкой, что ничему больше не быть и самое любопытное приключеніе, какое случилось съ нею, была встрѣча съ тѣмъ жалкимъ карпатскимъ разбойникомъ.

Елена не могла забыть одного; почему тогда, въ горахъ, она прочла ему въ утѣшеніе странную русинскую молитву. Какъ она дошла до нея?

Она разспрашивала тетку: нѣтъ ли у нихъ въ роду карпатской крови. Тетка Анни не знала ничего. Елена сама стала рыться на полкахъ, въ библіотечныхъ шкафахъ и въ связкахъ старыхъ бумагъ. Она нашла одно изжелтѣвшее письмо, написанное странными буквами. Тетя Анни посмотрѣла сквозь лорнетъ и сказала:

— Это по-русски... Кириллица... Я не понимаю. Зачѣмъ тебѣ?..

Теперь Елена стала искать увѣреннѣе.

Нѣсколько недѣль увлекали ее поиски потеряннаго

предка. На заглавномъ листѣ домашней Библіи, гдѣ записывались свадьбы и кончины венгерскаго рода Гичи едва ли не за три вѣка, Елена нашла, наконецъ, что одна изъ прабабокъ, Марфа, еще при императрицѣ Маріи-Терезѣ, была русской, съ Карпатъ.

Такъ вотъ откуда у нея капля крови, заговорившая внезапно на Карпатахъ. Она всегда гордилась своей венгерской кровью, блистательной и горячей, своей старой расой, венгерскимъ родомъ, а въ ней бьется, оказывается, еще капля крови, о которой она и не догадывалась никогда: кровь тихаго и страннаго народа съ синихъ Карпатъ. Это нечаянное открытіе почему то очень тронуло дѣвушку.

Вскорѣ послѣ Рождества, тетка Анни устроила званый вечеръ.

Пришли и пріѣхали люди изъ такихъ же старыхъ семей, какъ Гичи.

Въ Будапештѣ и въ Вѣнѣ много семей, оставшихся послѣ имперіи и потерпѣвшихъ вмѣстѣ съ нею кораблекрушеніе. Такихъ людей можно узнать по тонкимъ, породистымъ лицамъ, по легкому налету благородной старомодности, прикрытой тщательно бѣдности. Въ гостиныхъ между собой они говорятъ немного удивленно и громко, точно всѣ чуточку глухіе: такъ удивило, ошеломило ихъ крушеніе апостолической Австро-Венгерской монархіи.

У Елены непріятно горѣло лицо. Она не любила болтовни въ гостиной. Дѣвочка - служанка, — теперь въ бѣднѣвшемъ домѣ, полномъ раньше слугъ, была всего одна деревенская горничная, — безцеремонно поманила ее къ дверямъ. Елена извинилась за неловкую служанку и вышла.

— Что тебѣ?

— Внизу васъ спрашиваетъ кто-то...

Въ сводчатой огромной прихожей стояло два рыцаря въ желѣзныхъ темныхъ латахъ, которыхъ Елена всегда чуть побаивалась, и висѣлъ рогатый желѣзный фонарь, тоже немного зловѣщій.

Между рыцарей, внизу лѣстницы, она увидѣла какого то человѣка въ мѣшковатомъ черномъ пиджакѣ.

Онъ мялъ въ рукахъ черную шляпу. Онъ поднялъ на нее загорѣлое худое лицо. Она мгновенно узнала карпатскаго разбойника Илько.

Сердце Елены упало. «Пришелъ вымогать», было ея первой, рѣзкой, презрительной мыслью, ее смѣнила другая: «но я немедленно отдамъ его полиціи».

Она быстро сошла внизъ. Онъ былъ въ дешевомъ бѣломъ воротничкѣ, его натопорщенный галстухъ съѣхалъ въ сторону. Отъ него дышало наивной силой и неловкой свѣжестью селянина, который очутился вдругъ въ городѣ.

— Зачѣмъ вы пришли? — сказала Елена глухо и не узнала своего голоса. — Если вы не хотите, чтобы я вызвала полицію, уходите сейчасъ же, или я прикажу васъ выгнать вонъ.

— Я сейчáсъ уйду, панночка, только...

Онъ посмотрѣлъ на нее, порылся въ карманѣ пиджака и вынулъ свертокъ. Что-то было обернуто чистымъ крестьянскимъ платкомъ, вѣроятно, купленномъ на базарѣ:

— Только вотъ возьмите...

— Что это?

Елена невольно развернула платокъ.

Тамъ были ея золотая пудренница, крошечная записная книжка, тонкій портсигаръ, кошелекъ. Синяя эмаль растрескалась на портсигарѣ морщинками, листки въ книжкѣ пожелтѣли, покрылись ржавчиной.

— Зачѣмъ вы принесли это назадъ? Если ограбили, пусть и останется у васъ.

Елена отдала узелокъ.

— Нѣтъ, — онъ отвелъ ея руку. — Я ничего у васъ не грабилъ. Я затѣмъ и пришелъ, чтобы отдать... Вы сами оставили... Когда на полонинѣ сидѣли, помните у колибы? Вы тамъ заснули въ травѣ.

Она вспомнила: вѣроятно, это онъ прикрылъ ей тогда отъ солнца лицо овчарской соломенной шляпой.

— Я помню. Такъ что же?

— Такъ вы, панночка, тогда въ травѣ все и оставили... Зимой медвѣдь снѣгъ лапой разгребъ, я и увидѣлъ.

— Это вашъ ручной медвѣдь, который васъ въ горы унесъ?

— Тотъ самый.

Онъ улыбнулся:

— Вотъ я и принесъ, можетъ быть, вамъ надо... И чтобы не думали, что Илько взялъ...

— Вы только за тѣмъ и пришли?

Онъ повертѣлъ въ рукахъ черную шляпу, посмотрѣлъ на нее горячо и свѣтло, еще что-то хотѣлъ сказать, не сказалъ, и загорѣлое, обвѣтренное лицо горца замѣтно стало краснѣть.

Елена тоже почувствовала, что краснѣетъ, не зная сама почему.

— Но какъ вы рѣшились пріѣхать сюда... Вы нашли мой адресъ въ записной книжкѣ?

— Да.

— И рѣшились придти... Но вѣдь за вами слѣдятъ, васъ ищутъ.

— Вѣрно. Но на Карпатахъ меня еще больше ищутъ.

Онъ опять улыбнулся.

— Гдѣ же вы остановились?

— Да въ корчмѣ.

Илько назвалъ улицу на окраинѣ Будапешта.

— А съ документами какъ?.. Васъ же каждую минуту могутъ схватить.

Онъ охотно закивалъ головой:

— Могутъ, могутъ... У меня документъ чешскаго лѣсничаго. Я теперь Іосифъ Сѣдлатый, лѣсничій. Еще весной забралъ эту легитимацію... Если изъ Чехіи передали сюда въ полицію, что документъ краденый, меня завтра же откроютъ...

— Но послушайте, какъ же такъ можно... Вѣдь вамъ грозитъ ужасная опасность...

— Опасность? А, конечно, грозитъ.

Быстрыя слова, которыми она обмѣнивалась съ разбойникомъ, показались ей невѣроятными, нелѣпыми.

Наверху, всего черезъ нѣсколько ступенекъ деревянной лѣстницы, смутно звенѣло радіо. Какой-то ресторанный оркестръ изъ Парижа или Лондона. Тамъ пили чай, доносились голоса людей ея жизни, ея міра, тамъ ея тетка Анни съ папиросой и лорнетомъ, ея книжныя полки, старые портреты, тамъ жизнь, какая ей суждена.

А здѣсь, около пустыхъ черныхъ латниковъ, отблескивающихъ зловѣще и какъ-бы слушающихъ невѣроятный разговоръ послѣдней Гичи съ овчаромъ-разбойникомъ, надвинулись на нее странныя видѣнія Карпатъ. Сердце дѣвушки сжалось отъ щемящей боли.

Она смѣло посмотрѣла въ глаза этому карпатскому злодѣю, совершенно наивному, простодушному и неловкому селянину:

— Я очень вамъ благодарна, что вы принесли мои пустяки... Для меня это несомнѣнное свидѣтельство, что вы не желали ихъ украсть...

Она старалась говорить съ холоднымъ, гордымъ достоинствомъ, но ей было жаль загорѣвшаго горца,

котораго, вѣроятно, схватитъ полиція, едва онъ вернется въ корчму.

— Благодарю васъ и прошу: уѣзжайте немедленно назадъ... Вы когда уѣзжаете?

— Завтра.

— Почему не сегодня? Вамъ и въ корчму незачѣмъ заходить. Уѣзжайте немедленно.

Дѣвочка-служанка загремѣла сверху, по лѣстницѣ, своими деревенскими башмаками. Ее загоняли съ этими гостями, она запыхалась:

— Я васъ ищу. Наверхъ идите, васъ тетя зоветъ.

— Иду... Уѣзжайте же. До свиданья. То есть прощайте.

Елена быстро поднялась по лѣстницѣ, не оглядываясь. Она точно бѣжала отъ выходца изъ другого міра, отъ видѣнія Карпатъ...

XIX.

Весь вечеръ Елена была разсѣяна, тревожна, и потому, что ушла отъ него, не оглядываясь, ей казалось, что Илько такъ и стоитъ внизу, въ полутьмѣ, между двумя желѣзными рыцарями, похожій въ своемъ черномъ пиджакѣ на деревенскаго пастора или учителя.

Когда всѣ гости разъѣхались, ушла къ себѣ тетка и забралась наверхъ, въ свою каморку, подъ крышей, маленькая служанка, Елена неожиданно почувствовала стыдъ и сожалѣніе.

На какія опасности онъ шелъ, чтобы увидѣть ее, а она даже не нашла для него ни одного добраго человѣческаго слова. И куда онъ возвращается? Его загонятъ въ горахъ и добьютъ. Она представила себѣ Илько съ головой, пробитой пулей, въ снѣгу.

Она могла бы сказать нѣсколько добрыхъ словъ простому человѣку, который пошелъ на смертельную опасность для одного того, чтобы вернуть ей ея пудренницу и записную книжку...

Елена съ досадой ворочалась на огромной прабабкиной постели. Нѣтъ, вовсе не для того онъ пришелъ, чтобы отдать этотъ вздоръ. Это былъ предлогъ. Она понимаетъ, почему онъ покраснѣлъ и зачѣмъ пришелъ. Онъ тосковалъ по ней. У нея ничего нѣтъ, кромѣ презрѣнія и жалости къ горному грабителю, и жалость не къ нему, а къ его чувству. Чувство во всей его наивной

силѣ и дикости привело Лепея сюда. Ей стало жаль его любви, немыслимой и неосуществимой.

Въ темной гостиной, гдѣ еще пахло табачнымъ и сигарнымъ дымомъ, грустно пробили часы.

Потомъ дальше, въ кабинетѣ отца, потомъ совсѣмъ близко у ея постели. Звонъ былъ старинный, ветхій и нѣжный. Это былъ единственный звукъ жизни въ подводномъ царствѣ, гдѣ навсегда заснули тихія воды.

И опять странная, и нелѣпая мысль мелькнула у дѣвушки: а если онъ не ушелъ, все еще стоитъ тамъ, гдѣ латники.

Елена сунула ноги въ туфельки, накинула халатъ и со свѣчей вышла изъ спальни.

Въ комнатахъ было холодно. Морозно свѣтились окна. Высокіе потолки во тьмѣ, ночная тишина, нечаянный скрипъ половицы, узкое лицо, или черный рукавъ на портретѣ наполеоновскихъ временъ, внезапно освѣщаемомъ свѣчею, — все казалось ей незнакомымъ, пугающимъ.

Она безшумно сошла по лѣстницѣ въ прихожую.

Два рыцаря съ угрозой посмотрѣли на нее черной пустотой сквозь щели забралъ. Елена обвела свѣчей углы. Конечно, здѣсь нѣтъ никого. Она задула свѣчу. Завтра же она разспроситъ служанку, какъ ушелъ тотъ человѣкъ.

Дѣвушка подошла къ дверямъ въ садъ. За рѣшеткой сіяла морозная ночь. Елена посмотрѣла въ садъ, прижавши лицо къ холодному стеклу.

И отпрянула.

У подъѣзда, на ступенькахъ, стоялъ Лепей. Часть его лица и плечо освѣщалъ мѣсяцъ. Это несомнѣнно былъ онъ. Онъ смотрѣлъ вверхъ, на окна, и тонкое лицо верховинца казалось еще прозрачнѣе, тоньше отъ луннаго свѣта.

Елена рѣзко пріоткрыла дверь, не отмыкая цѣпочки:

— Зачѣмъ вы стоите здѣсь? Почему не ушли... Я не боюсь васъ... Такъ вы затѣмъ пришли и остались, чтобы высмотрѣть все для ночного грабежа...

— Тише, панночко, ради Христа, что вы говорите, тише.

Онъ снялъ черную шляпу:

— Я смотрѣлъ, какъ отъ васъ выходятъ гости, сталъ за деревомъ и смотрѣлъ. Они ушли, я опять вышелъ и смотрѣлъ, какъ окна гаснутъ, одно за другимъ... Что мнѣ еще дѣлать въ Будапештѣ? Больше нечего дѣлать. Я пришелъ васъ повидать и уйти.

Зубы Елены стучали отъ страха и отъ холода:

— Неужели вы не понимаете, что пугаете меня. Уходите сейчасъ же...

Онъ виновато понурился:

— Простите, панночко... Я пойду.

— Я должна сказать, я хотѣла сказать вамъ, меня очень тронуло, что вы пришли меня навѣстить... И послушайте, Илько, васъ же убьютъ на Карпатахъ, безъ пощады. Такъ лучше пойдите сдайтесь сами жандармамъ... Вы убили человѣка, не страшитесь же понести наказаніе за убійство.

— Я не убійца.

Елена съ горечью усмѣхнулась:

— Полно вамъ, какъ вы можете лгать съ такой легкостью.

— Я не убійца, вѣрьте мнѣ, вѣрьте, я не убійца, — онъ ухватился рукой за цѣпочку двери. — Потому я съ каторги бѣжалъ, въ горы ушелъ, что я не убійца. Для всѣхъ сталъ дикій звѣрь, бѣглый каторжникъ... Чѣмъ мнѣ оставалось жить: только грабежомъ. И голова моя оцѣнена, кругомъ жандармы, тысяча жандармовъ противъ меня одного...

Онъ крѣпко держалъ цѣпочку. Кажется, больше всего онъ боялся, что она закроетъ передъ нимъ дверь и онъ не успѣетъ сказать ей все:

— У меня словъ такихъ нѣтъ, чтобы вы повѣрили. А я правду говорю. Видитъ Богъ: правду...

Смутно, горячо онъ разсказалъ ей, какъ искалъ правду, а нашелъ въ Галичинѣ, въ таборѣ, мертваго цыгана съ сивымъ подбородкомъ, какъ свѣсилась его посинѣвшая рука...

И Елена повѣрила всему, ей стало понятно, что онъ сильный, упорный, гордый человѣкъ и что онъ несчастенъ. Она замѣтила, какъ дрожитъ его рука, сжимающая цѣпочку двери. Наступило молчаніе. Они такъ и стояли, между ними пріоткрытая дверь на цѣпочкѣ.

— Я вамъ вѣрю, — едва слышно сказала Елена. — И мнѣ отрадно, хорошо, Илько, что я вамъ повѣрила... Это хорошо, что вы честный человѣкъ.

Она замолчала. Лепей потеребилъ въ рукахъ черную шляпу:

— Спасибо, панночко, когда повѣрили мнѣ, разбойнику...

— Идите, Ильку, вы, понимаете, это будетъ ужасно, позорно для меня, если кто нибудь увидитъ васъ со мною.

— Понимаю.

— Но какъ вы уйдете изъ сада?

— Перелѣзу черезъ рѣшетку.

— Смотрите, если полицейскій замѣтитъ, за вора примутъ...

— Я осмотрюсь, ничего.

— Идите пожалуйста... Мнѣ холодно стало.

Она протянула ему руку въ щель двери. Она не боялась его. Онъ склонилъ голову и поцѣловалъ ея руку по сельскому обычаю, какъ въ ту лѣтнюю ночь, когда вывелъ ее на горную тропу.

XX.

— Ну не глупая ли голова, вотъ глупая голова...

Утромъ за кофе Елена бранилась вслухъ. Тетка Анни изумленно поднимала на нее лорнетъ.

— Ты чѣмъ недовольна, кого ты бранишь?

— Нѣтъ, никого: себя.

Ни теткѣ Анни, никому на свѣтѣ, не разсказала бы дѣвушка о невѣроятномъ свиданіи съ карпатскимъ разбойникомъ.

Вѣроятно, онъ уже уѣхалъ, а у нее ночью, когда она не могла заснуть отъ щемящей, горячей жалости къ этому чужому человѣку, сложился въ головѣ цѣлый планъ.

Простодушная наивность горца вызывала у нея чувство, близкое къ чувству материнской жалости.

Что то дѣтское было въ грозномъ разбойникѣ и дѣвушкѣ казалось, что она одна знаетъ, какъ защитить его. На Карпатахъ его убьютъ. Жандармы окружаютъ его петлями все тѣснѣе. Тамъ, дѣйствительно, на каждой тропинкѣ сторожитъ пуля. Но если его не арестовали здѣсь, въ Будапештѣ, онъ уже ѣдетъ обратно туда, въ горы, на снѣгъ и на голодъ, въ овчарскія колибы, гдѣ каждое мгновенье ждетъ его смерть. Какъ она могла отпустить его на смерть?

А если онъ еще въ Будапештѣ? Чего она сидитъ дома, когда надо ѣхать, искать, найти его непремѣнно.

Только послѣ полудня, она нашла корчму, гдѣ остановился Лепей.

На деревянныхъ ступенькахъ лѣстницы Елена отряхнула съ башмаковъ снѣгъ. Это былъ дешевый постоялый дворъ. Ее не смутило, что она войдетъ туда, но дѣвушка все же приподняла воротникъ мѣховой шубки.

«Лѣсничій Іосифъ Сѣдлатый, чехъ, такъ его надо спросить», вспоминала она, входя въ большую сводчатую залу.

Табачный дымъ плавалъ волнами. Въ углу, гдѣ стояло піанино, черноволосый цыганъ настраивалъ скрипку. Никто не обратилъ вниманія на вошедшую. Хорошо, что она не надѣла шляпку, а просто повязала голову платкомъ. Хозяинъ или слуга, усатый человѣкъ въ бархатномъ жилетѣ, посмотрѣлъ на нее изъ-за стойки. Она оглядѣлась въ табачномъ дымѣ и замѣтила въ углу загорѣлое лицо Лепея, быстро пошла между столомъ:

— Илько!

Теперь всѣ смотрѣли на дѣвушку.

Эти простые люди, извозчики, каменщики, пріѣзжіе крестьяне, замѣтили, какъ хороша дѣвушка, и видно, что не простая, а молодая госпожа.

Илько, растерянный, въ наивной радости, поднялся ей навстрѣчу.

— Я думала не найду васъ.

— Вы долго искали?

— Нашла, какъ видите. Слушайте, мнѣ надо хорошо поговорить съ вами.

Къ нимъ подошелъ усатый человѣкъ въ бархатномъ жилетѣ:

— Госпожа тоже будетъ обѣдать?

— Отчего же нѣтъ...

Люди, которые здѣсь сидѣли, пили-ѣли, курили, говорили, — старый цыганъ, у него во рту нѣтъ зубовъ, и другой, молодой, съ адамовымъ яблокомъ на шеѣ, а съ ними худая дѣвочка-цыганка, смуглая, не-

красивая, пожилые извозчики, рабочіе съ тяжелыми руками, куда въѣлась бѣлая известь, всѣ они почувствовали, какое прелестное существо изъ иного міра, залетѣло къ нимъ, — эта молодая госпожа, и веселѣе, дружнѣе стали голоса, дымъ трубокъ и тотъ началъ виться веселѣе, и стучать дружнѣе стаканы, и усатый хозяинъ, глядя на Елену, подумалъ: «Эге, чехъ то, простецъ, деревенщина, а какую красавицу подцѣпилъ».

— Я очень опасалась, что вы уѣхали, мнѣ было досадно, что я не спросила васъ, когда отходитъ поѣздъ... Но вы еще здѣсь... Вотъ что я хочу сказать: вамъ, Ильку, не надо возвращаться на Карпаты.

— Говорите тише, прошу васъ...

— Да, да, простите.

Она приблизила къ нему лицо черезъ столъ:

— Я вчера думала о васъ, — тихо сказала Елена, — Вамъ никакъ нельзя возвращаться туда. Вы же сами понимаете: тамъ для васъ гибель, смерть.

— Понимаю.

— А между тѣмъ въ томъ, что вы уѣхали оттуда, можетъ быть ваша судьба. Вы очень хорошо сдѣлали. что вспомнили меня и вырвались съ Карпатъ. Вы не вернетесь назадъ, и это будетъ самое лучшее.

Верховинецъ смотрѣлъ на нее свѣтло-сѣрыми глазами пристально, удивленно и радостно:

— Какъ не вернусь назадъ?

— А такъ... Я уже позабочусь объ этомъ.

Молодой цыганъ въ бархатномъ красномъ жилетѣ съ золотымъ шитьемъ отпилъ вина, отеръ губы, сухой, почти черной отъ смуглоты рукою и началъ пристраивать къ щетинистой щекѣ скрипку.

Скрипка и венгерская гармонія старика запѣли вмѣстѣ, бархатной печалью. И оттого, что онѣ запѣли, старому будапештскому извозчику, который мочилъ въ

пивѣ сизые усы, и Еленѣ, и всѣмъ въ корчмѣ, показалась жизнь такой влекущей, какъ эта цыганская пѣсня, обѣщающая необыкновенное счастье.

— Какъ же вы позаботитесь, панночко? — съ улыбкой спросилъ Лепей.

— Вы должны уѣхать въ Америку, вотъ какъ. Отсюда и поѣдете... Если бы я не вѣрила, что вы честный человѣкъ, я бы не пришла сюда. Но вы честный человѣкъ, Ильку. У васъ только жизнь была несчастная. Вамъ надо другую жизнь начать. Вырваться, выйти изъ вашей жизни, вы понимаете. Уѣхать надо. Уѣзжайте въ Америку, вотъ что.

— Въ Америку... У насъ говорятъ Новый Край. Карпаты — Старый, Америка — Новый... Тамъ много нашихъ въ Новомъ Краю.

— Вотъ и поѣдете туда. У васъ есть съ собой деньги?

— Немного есть.

— Я еще вамъ достану на билетъ, на дорогу, я въ долгъ вамъ дамъ... Только дайте мнѣ слово, что вы не вернетесь на Карпаты.

— Зачѣмъ вамъ, панночко?

— Не мнѣ, Ильку, вамъ...

Двое цыганъ - музыкантовъ шли къ нимъ между столовъ.

Цыгане, какъ и всѣ въ корчмѣ, думали, что въ углу сидятъ два человѣка, которые любятъ другъ друга, и шепчутся, и о чемъ же имъ шептаться, какъ не о любви. Музыканты остановились у стола. «Они думаютъ, что мы влюбленные», мелькнуло у смущенной Елены, она покраснѣла.

А потомъ заслушалась, какъ и Лепей, и поблѣднѣли оба, расширились глаза, и уже не видѣли ни музыкантовъ, никого, слышали цыганскую музыку, поющую

какъ бы только для нихъ однихъ о такомъ щемящемъ, такомъ сладостномъ, небываломъ счастьѣ.

Илько оперъ голову о руку и задумался. Музыканты тихо прошли къ другому столу. Они дѣлали свое дѣло: собирали по корчмѣ деньги.

— Вотъ какъ хорошо поетъ скрипка, — сказалъ Лепей. — Почему она всегда такъ поетъ, что щемитъ сердце? О чемъ?

Елена улыбнулась:

Ея взглядъ упалъ на ея часы — золотой браслетикъ. Уже три:

— Но я засидѣлась съ вами, мнѣ пора... Такъ я беру съ васъ честное слово, Ильку, вы ѣдете въ Америку.

— Панночко, панночко, какая быстрая... А мои товарищи... Какъ я оставлю ихъ на Карпатахъ?

— Прикажете, чтобы они разошлись. Ихъ скитанія по колибамъ совершенно безполезны. Можно отсюда дать знать. Наконецъ, я вамъ могу въ этомъ помочь... Нѣтъ, Ильку, никакихъ отговорокъ: уѣзжайте въ Америку.

— Я думалъ объ Америкѣ... Тамъ, говорятъ, пшеница хороша, тамъ тысячи километровъ, говорятъ, ѣдешь, а все пшеница, пшеница... Тяжелая, какъ золото. Божій хлѣбъ... Когда работать, я думаю, тамъ можно добиться, чтобы были свои волы, лошади, домъ... Фарма... Вотъ и сказали бы: смотрите, Илько Лепей, богатый фермеръ, американскій гражданинъ. И шапки снимали бы: добрый день, панъ гражданинъ Лепей... То есть не Лепей. Лепей тогда умеръ бы... А тотъ, другой, кѣмъ я сталъ бы за океаномъ.

— Я очень хочу тому помочь. Правда, прошу васъ: дайте мнѣ слово.

Скрипка и гармонія оборвались вдругъ горячимъ стономъ, и застучалъ бубенъ.

— Эвоэ! — вовсе не думая о древнихъ богиняхъ и нимфахъ, вскрикнула некрасивая цыганка, смуглая, тощая, какъ галка, въ широкихъ легко-шелковыхъ юбкахъ, съ яркими пятнами цвѣтовъ, въ монистахъ, въ тоненькихъ золотыхъ монеткахъ, звенящихъ все быстрѣе, на ея худой, еще полудѣтской груди.

Какъ-бы гордо и горячо скрестились блистающіе мечи, ударилъ чардашъ.

«Положительно насъ принимаютъ за влюбленныхъ», подумала Елена, но это уже не смущало ее. Она залюбовалась пляской.

Цыганка блистала, цыганка необыкновенно похорошѣла въ звенящемъ вихрѣ чардаша, она стала легкой, какъ прелестный цвѣтокъ, обдающій всѣхъ быстрымъ вѣтромъ.

Лепей говорилъ тихо, точно самъ съ собою:

— На Карпатахъ насъ окружатъ и перебьютъ... Это вѣрно... И Юрко больной. Онъ чахоточный... Мнѣ Голубку жалко... А въ Новомъ Краю я опять учиться бы сталъ. Я на механика могу кончить. Я хотѣлъ механикомъ быть...

— И будете, Ильку.

Съ дрожащимъ бубномъ въ смуглой рукѣ, быстро дыша, улыбаясь, къ нимъ подошла цыганка.

Была прелестна ея смуглота, румянецъ, влажные бархатные глаза, — она теперь была, какъ древняя богиня, — отъ пляски все стало нѣжно, возволновано, все прозрачно палило въ этой полудѣвочкѣ-цыганкѣ, такой некрасивой, погасшей до танца.

Илько бросилъ на бубенъ комокъ кредитокъ. Цыганка посмотрѣла испуганно, радостно зажмурилась: «такъ много», и отбѣжала въ табачный дымъ.

— Такъ, панночко, — задумчиво сказалъ Илько. — Уѣхалъ-бы въ Америку по чужому паспорту... Никто и не узналъ бы, что Лепей.

Онъ внимательно посмотрѣлъ на нее впервые въ этотъ день, и замолчалъ. Потомъ сказалъ глухо:

— Когда вы ушли съ горъ, я о васъ думалъ.

Она хотѣла отвѣтить «я знаю, я все понимаю», но не отвѣтила.

Ей только нестерпимо жаль его невозможной любви къ ней, какую она поняла своимъ чистымъ дѣвичьимъ сердцемъ, любви этого затравленнаго и совершенно чужого ей человѣка изъ совершенно чужого міра.

Она могла только сказать съ виноватой, грустной улыбкой:

— Какъ вы назвали ихъ тогда, въ горахъ? А, вѣтерницы...

— Почему вѣтерницы?

— Ну какъ вамъ сказать, что вамъ сказать... Мнѣ очень жаль, что меня, какъ вѣтерницу, принесъ къ вамъ въ горы вѣтеръ... И вотъ унесъ... Вы еще что-то хорошо сказали... Да, о каплѣ крови.

— О чемъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, я ошиблась, это не вы... Это я сама вспомнила, нашла... Во мнѣ есть капля карпатской русской крови. И я рада этому, Илько, такъ рада, сама не знаю печему...

— Хорошо вы, панночко, говорите.

— Я всегда думала, что лучшее, что есть во мнѣ, это моя правдивость. Я ненавижу неправду ни съ другими, ни сама съ собой. И я скажу вамъ прямо: вы мнѣ стали ближе, когда я узнала, что во мнѣ есть русская капля крови.

— Свой, руснакъ?

— Да, это, и еще... Понимаете, теперь я точно лучше чувствую Карпаты, сильнѣе слышу вѣщій, горный вѣтеръ, шумъ травъ, вижу синій блескъ неба, ущелья, дымъ долинъ... Понимаете, точно задышалъ во мнѣ вѣтеръ Карпатъ. И это хорошо. Очень.

Она вдругъ смутилась, сама себя перебила шуткой:

— Только я не вѣтерница, не подумайте снова, пожалуйста...

— Панночко, а вы... А вы въ Америку не поѣдете?

Это было такъ внезапно, точно ее сильно ударило по сердцу. Блѣдный Илько горячими, свѣтлыми глазами смотрѣлъ на нее. Теперь онъ особенно былъ похожъ на какую то гордую птицу.

— Въ Америку? — глухо сказала Елена. — Но зачѣмъ же мнѣ въ Америку?

— Да, да, конечно... Зачѣмъ вамъ въ Америку.

И они замолчали. И стало понятно, что имъ не о чемъ больше говорить и не зачѣмъ больше говорить, точно изсякла между ними мощная рѣка, и они оба остались какъ въ сухой пустынѣ, и понимаютъ снова, что она высокая мадьярская госпожа изъ Будапешта, а онъ верховинскій овчаръ, бѣглый каторжникъ и карпатскій разбойникъ.

— Мнѣ, право, пора, — Елена поднялась. — Давайте же условимся: вы ѣдете завтра.

— Да, завтра.

— Прощайте, Илько.

— Прощайте, панночко.

— Дай вамъ Богъ добрый путь.

— Спасибо.

Онъ слегка пожалъ ей руку, она пошла. Всѣ головы повернулись къ ней изъ табачнаго дыма, точно всѣ люди подумали «какая ты красивая и кто ты такая, милая дѣвушка, госпожа, и почему ты пришла и уходишь, когда онъ любитъ тебя, зачѣмъ ты уходишь?».

И когда она ушла, Илько все смотрѣлъ на стеклянную дверь корчмы, которая еще дребезжала чуть-чуть, зябко и нѣжно...

XXI.

А ночью Елена поняла, что Илько въ Америку не поѣдетъ.

Только съ нею поѣхалъ бы онъ за океанъ. Онъ не въ Америку поѣдетъ, а вернется на Карпаты. И его тамъ они убьютъ.

Ночью она сѣла на огромной прабабкиной постели, охватила руками колѣни, согнулась и беззвучно заплакала.

Такъ, согнувшись беззвучно плакали когда-нибудь въ карпатскихъ селахъ ея далекія прабабки, крѣпостныя венгерскія рабыни. Лучше бы она не находила въ себѣ каплю ихъ крови. Ей сталъ близокъ этотъ простой верховинскій овчаръ. Но онъ задалъ ей задачу не по силамъ. Она понимаетъ: женщинѣ всегда надо заботиться о комъ-нибудь, и она готова принять на себя заботы объ этомъ деревенскомъ ребенкѣ.

А онъ ждетъ отъ нея иного. Онъ полюбилъ ее, вотъ что она поняла. И у нея нѣтъ силъ такъ перемѣнить его судьбу: для того ей надо сломить свою жизнь.

Но ей тяжело, ей нестерпимо больно, что этотъ простой человѣкъ тоскуетъ по ней на Карпатахъ. Правда, какъ вѣтерница, она пронеслась по его жизни, чтобы мучить его. А она не хочетъ, не хочетъ мучить его...

Къ утру поднялся вѣтеръ. Застучала ставня, неприкрытая съ вечера. Это былъ тяжелый, неумолимый утренній вѣтеръ.

У нея осталось одно: идти къ нему и заставить его, какъ заставляютъ ребенка, уѣхать въ Америку.

Елена надѣла шубку, платокъ, и вышла изъ дому рано, еще не поднялась въ каморкѣ маленькая служанка.

На улицѣ бродилъ столбами студеный туманъ ночи. Вскорѣ ей попался навстрѣчу сонный, заинѣвшій извозчикъ.

Въ корчмѣ, куда они подъѣхали, еще были заперты ставни. Елена вошла въ нее черезъ дворъ. Усатый хозяинъ въ бархатномъ жилетѣ вытиралъ шваброй каменный полъ. Столы и стулья были нагромождены другъ на друга.

— Что же вы опоздали — со строгой, укоризной посмотрѣлъ на нее хозяинъ. — Онъ уже минутъ двадцать какъ уѣхалъ.

И опять налегъ на тяжелую шварбу, отъ чего похрустѣли его кости.

Мгновеніе она стояла передъ усатымъ человѣкомъ, не обращавшимъ на нее вниманія. Куда онъ могъ уѣхать? Только назадъ, на Карпаты:

— Вы говорите, минутъ двадцать?

— Двадцать, двадцать пять.

— Благодарю васъ.

И она вышла изъ корчмы.

Извозчикъ, ожидая ее, раскуривалъ трубку. Старикъ былъ въ инеѣ, какъ и лошадь. Елена назвала ему вокзалъ.

— Я вамъ прибавлю, только скорѣе, пожалуйста.

Старикъ, не спѣша, выколотилъ трубку, поправилъ наушники шапки, усаживаясь передъ ней въ санки, — онъ такъ промерзъ, что сивые его усы были въ ледяшкахъ, — и сказалъ съ той же строгой укоризной, какъ усатый, точно они сговорились:

— Опоздали, а теперь скорѣй пожалуйста: не надо было опаздывать.

— Скорѣе, скорѣе, прошу васъ...

На вокзалѣ гремѣли желѣзныя двери. Въ морозномъ туманѣ сновали люди, носильщики, дребезжащія вагонетки съ багажемъ.

Все было какъ то особенно гулко, жестко и рѣзко, какъ бываетъ на вокзалахъ. Холодный утренній паръ смѣшивался съ паромъ паровозовъ.

Поѣздъ стоялъ у перрона. Елена вдругъ почувствовала себя очень усталой. «Онъ въ третьемъ классѣ, конечно», рѣшила дѣвушка и быстро пошла вдоль вагоновъ. До отхода поѣзда еще десять минутъ.

Зачѣмъ она пришла сюда, къ чему ищетъ чужого человѣка изъ чужого міра? Она знаетъ зачѣмъ: она не хочетъ быть его вѣтерницей. Она понимаетъ, что такая молодая госпожа изъ Будапешта, какъ она, могла показаться верховинскому овчару недосягаемымъ и желаннымъ видѣніемъ. И стало видѣніе мучить затравленнаго человѣка, скитающагося по горнымъ лѣсамъ, полонинамъ, въ снѣгахъ, надъ гулкими пропастями...

Она не хочетъ, не хочетъ быть его мучающимъ видѣніемъ. Она не вѣтерница, а простая дѣвушка. Вотъ почему она пришла.

У этой гордой дѣвушки было безстрашіе ея предковъ и безстрашная честность передъ собою.

Она быстро шла вдоль синихъ вагоновъ перваго, желтыхъ вагоновъ второго класса. Они показались ей нестерпимо длинными. Мѣшали пассажиры, носильщики, корзины, чемоданы.

Она была увѣрена, что Илько гдѣ то здѣсь, въ поѣздѣ.

Илько стоялъ на площадкѣ вагона въ короткой мѣховой курткѣ. Онъ увидѣлъ ее, ослѣпительно улыбнулся и поблѣднѣлъ.

— Ильку, Ильку, вотъ я нашла васъ.

— Панночко, да откуда же вы...

— Почему вы не исполнили слова, зачѣмъ вы возвращаетесь на Карпаты?

— А куда я поѣду... И я не давалъ слова... Я о нихъ всю ночь думалъ... За что ихъ я оставлю... Мнѣ одному бѣжать въ Америку, а ихъ бросить на голодъ въ горахъ, на разстрѣлъ? Нѣтъ, панночко, такого слова я не давалъ... Когда я уходилъ сюда, къ вамъ, меня Голубка провожалъ до тропинки, — помните, хлопчикъ Голубка, — онъ одинъ зналъ, куда я иду. Онъ сказалъ: ты вернешься, Ильку? Я сказалъ: вернусь, Федоро... Я и вернусь.

Мимо въ вагонъ проносили чемоданы. Ихъ толкали. Рядомъ у окна чему то громко смѣялись. Тамъ цѣлая семья, молодые, старики, дѣти провожали кого-то. Илько говорилъ Еленѣ, не думая о томъ, слышатъ ихъ или не слышитъ. Онъ странно улыбался:

— И зачѣмъ мнѣ въ Америку... Я раздумался вчера, а потомъ говорю себѣ: ты съ ума спятилъ, Илько, какая Америка: твой домъ и твоя могила Карпаты... Вѣдь обо мнѣ тамъ пѣсни поютъ... Простой нашъ народъ. Обо мнѣ поетъ... Я самъ простой человѣкъ, и былъ бы я самый смирный селянинъ... Нашъ народъ, нашъ горный народъ, — можетъ быть, краше его и нѣтъ на свѣтѣ, — онъ всегда своего витязя ждетъ, защитника, праведнаго утѣшителя, чтобы освѣтилъ его и утѣшилъ за всю его вѣковую горькую судьбу... И какъ я на Карпаты пришелъ, по селамъ уже — чу, чу, — шорохъ по всѣмъ Карпатамъ: витязь пришелъ... А какой я витязь; я дорожный грабитель... А обо мнѣ тамъ пѣсни поютъ... Но я вернусь туда витяземъ. Я вернусь, я приду на Карпаты...

Кругомъ гулко скрежещетъ вокзалъ. Четыре мину-

ты до отхода поѣзда. Уже ничего не поправить, не измѣнить: онъ вернется на Карпаты, его тамъ убьютъ.

— Я все понимаю, Ильку... Но и вы поймите: вѣдь я васъ на смерть отправляю.

Поѣздъ вдругъ перелязгнулъ. «Какъ, уже уходитъ?» Это было невозможно, ужасно. Они вмѣстѣ пошли у вагона. Нѣтъ, поѣздъ подался назадъ. Прицѣпили второй локомотивъ.

Еще можно остановить, перемѣнить. Она можетъ перемѣнить все. Ей только стоитъ сказать самыя простыя слова этому простому человѣку, который хочетъ стать механикомъ въ Америкѣ, что онъ станетъ тамъ механикомъ, фармеромъ, что онъ добьется всего, потому что съ нимъ она поѣдетъ за океанъ, они поѣдутъ вмѣстѣ.

Нѣтъ, это невозможно сказать. Илько уже поднялся на площадку. Поѣздъ трогается. Илько подалъ ей руку. Только сказать, и онъ прыгнетъ къ ней съ площадки назадъ. Нѣтъ, выше ея силъ. Карпатскій овчаръ, и она. Два разныхъ міра, двѣ разныхъ жизни скрестились. И уйти за нимъ, — сломить свою жизнь. А можетъ быть и его. А можетъ быть и не сломить...

Она шла у гремящаго вагона и, кажется, не слышала сама, какъ говоритъ торопливо:

— Илько, а если я поѣду съ вами въ Америку, если я поѣду... Да, да, если я поѣду...

Слышитъ онъ, не слышитъ. Онъ машетъ ей шляпой.

— Да, да, да — стучитъ, идетъ поѣздъ, быстрѣе, быстрѣе. Поѣздъ идетъ на Карпаты.

Такъ и должно быть, какъ же можетъ быть иначе: карпатская пропасть между бродягой разбойникомъ и ею, послѣдней въ венгерскомъ родѣ Гичи...

— Да, да, да, пропасть, — стучитъ поѣздъ.

Илько уже не видно. Она проводила на смерть чело-

вѣка, и ея сердце плачетъ. Только чтобы люди не увидѣли слезъ. Она должна сдержать слезы, она сдержитъ.

Елена вышла съ вокзала, ее толкали пассажиры подошедшаго пригороднаго поѣзда. Кричали газетчики. Никто изъ равнодушно спѣшащихъ людей не посмотрѣлъ на худенькую, блѣдную дѣвушку въ черной шубкѣ.

Она шла по улицѣ. Ея лицо тонко свѣтилось отъ снѣга.

Она думала, что верховинскій овчаръ, котораго она только что отпустила на смерть, былъ такимъ же простымъ и честнымъ рыцаремъ, какъ ея отецъ, какъ всѣ ея предки въ мадьярскомъ родѣ Гичи.

XXII.

Царскій поручикъ Андрей Кривцовъ, кончающій студентъ-инженеръ, получилъ въ концѣ декабря 1936 года письмо въ помятомъ желтомъ конвертѣ, какой можно достать въ любой деревенской лавчонкѣ. Письмо было написано карандашемъ, кое-гдѣ стертымъ:

«Здравствуй, побратиме Андрій, да хранитъ тебя Богъ. Вотъ тебѣ мой приказъ: поѣзжай въ Будапештъ, но не теперь, а когда прочтешь обо мнѣ дурныя, черныя вісти, поѣзжай въ Будапештъ, найди тамъ Елену Гичи, и мнѣ будетъ хорошо, когда станете вы оба меня вспоминать».

Подписи на листкѣ не было, но Кривцовъ догадался, что письмо отъ Илько.

Кривцовъ слѣдилъ за каждымъ выпускомъ пражскихъ газетъ. Все было похоже на неравный, страшный бой. Лепея окружали.

Надъ столомъ Кривцова была карта Карпатской Руси. На ней можно было бы разставить флажки этого фронта, съ заставами, западнями, съ тысячью жандармовъ противъ пяти затравленныхъ людей.

Кривцовъ сжегъ письмо. Если бы узнали, что онъ въ перепискѣ съ карпатскимъ разбойникомъ, онъ легко угодилъ-бы въ тюрьму. Но неизвѣстное имя письма, Елена Гичи, запомнилось Кривцову.

Какъ то январскимъ вечеромъ онъ зашелъ доиграть

партію въ домино и просмотрѣть вечернія газеты въ старую студенческую пивную.

Тамъ, какъ всегда, было накурено. Дубовые потолки и столы давно покоричневѣли отъ вѣковой табачной копоти. Кривцовъ взялъ газету. И первое, что бросилось въ глаза, былъ черный заголовокъ:

«Бандитъ Илько Лепей убитъ на Карпатахъ».

Кривцовъ каждый день ждалъ такого конца, но все же дрогнули руки. Рядомъ сидѣли чехи. Одни смѣялись, другіе равнодушно курили, говорили, пили пиво. Кривцовъ перечиталъ снова, и газетный листъ слегка дрожалъ въ рукахъ поручика. Телеграмма изъ Хуста: «Ночью у села Рѣпеннаго, на льду рѣки, Лепея застрѣлили жандармы».

Вотъ это были дурныя, черныя «вісти», о которыхъ предупреждалъ Илько. Въ тотъ же вечеръ поручикъ Кривцовъ собрался въ дорогу, въ Будапештъ.

Такъ же, совершенно нѣмо, безъ звука, и Елена Гичи прочла въ будапештскихъ утреннихъ газетахъ, на службѣ, — она уже служила въ банкѣ — о смерти Лепея. Дѣвушка поблѣднѣла и у нея тоже дрогнули руки. Горный разбойникъ былъ одинаково близокъ двумъ этимъ людямъ въ Прагѣ и въ Будапештѣ, еще невѣдомымъ другъ другу...

■●■

Въ послѣдніе дни въ горахъ, гдѣ скитался Лепей, крутило мокрыя метели.

Лепей со своими людьми отсиживался подъ листьями, въ ямахъ. Безъ огня. Они начали голодать. Всюду жандармы, не пробиться въ села. Уже никому нельзя вѣрить. Людей гоняютъ на допросы, и нѣтъ такого шинкаря, который не доносилъ-бы жандармамъ. Къ людямъ нельзя

подойти. Только однимъ горнымъ овчарамъ еще вѣрилъ Лепей.

Онъ уходилъ все выше. Безъ тропинокъ, по лѣснымъ урочищамъ, по каменистымъ русламъ горныхъ потоковъ, тамъ, гдѣ только одинъ Лепей и могъ пробраться. Каждая тропа была перерѣзана жандармскими заставами. Точно волчьи ямы кругомъ.

Люди Лепея въ лохмотьяхъ, съ карабинами, въ порванныхъ постолкахъ, увѣшанные патронами, съ жесткимъ и голоднымъ огнемъ въ глазахъ, уже безъ цѣли кружили, скитались въ метеляхъ, по полонинамъ.

Теперь это были затравленные звѣри, а не люди.

Двупалаго пулеметчика Поливко жандармы ранили выстрѣлами надъ ущельемъ. Поливко, задыхаясь, подымался съ другими вверхъ, по камнямъ. Онъ былъ раненъ въ руку и въ плечо. Яркими пятнами онъ ронялъ кровь на камни.

По его крови гнались жандармы. Такъ гонятся за звѣремъ. Двупалый еще могъ залечь съ другими за камни и отстрѣливался одной рукой изъ карабина.

Горное эхо гремѣло отъ выстрѣловъ.

Пуля жандарма расщепила карабинъ Поливко, ударила его въ грудь.

Поливко осѣлъ въ траву, онъ дышалъ сильно и сухо, потомъ подползъ къ обрыву. Онъ зналъ, что умираетъ и ползъ къ пропасти, чтобы сбить жандармовъ со слѣда, чтобы кончился у пропасти слѣдъ крови.

Клевецъ сталъ было его подымать, коченѣющаго съ подкорченными руками. Русобородое лицо Поливко было въ приставшихъ листьяхъ и въ землѣ, куда же тащить мертвеца?

Юрко перекрестился и столкнулъ тѣло въ пропасть.

Тамъ, ниже, по отвѣснымъ скатамъ, лѣпились дикіе

лѣса, куда никогда не подняться, не дойти ни одному человѣку, буреломъ, палъ многихъ вѣковъ. И закачался тамъ, на вѣтвяхъ елей, русобородый Поливко.

Всѣ перекрестились и пригибаясь въ кустарникахъ пошли выше, въ туманъ.

Илько замѣтилъ, что у медвѣдя по впалому боку сочится кровь. Медвѣдя тоже задѣла пуля жандарма. Звѣрь останавливался на ходу и слизывалъ кровь.

— Надо его отогнать, — бросилъ Лепей. — Теперь его кровь слѣдъ даетъ...

Юрко скалился, скашливалъ отъ тумана:

— Пристрѣли его самъ, когда такъ...

Лепей замахнулся на медвѣдя карабиномъ:

— Уходи!

Онъ ударилъ его прикладомъ по тощему заду. Медвѣдь остановился, удивленно посмотрѣлъ желтыми глазами.

— Уходи, уходи! — Кричали Илько, Грачъ, Голубко, Клевецъ, и замахивались на звѣря карабинами.

Медвѣдь точно понялъ, понурилъ голову и сталъ уходить лѣвѣе, лѣвѣе, въ лѣсъ...

Въ тотъ день Илькѣ удалось вырваться изъ кольца жандармской охоты.

Почернѣвшіе, съ глазами, запавшими отъ усталости, они добрались до брошенной колибы, высоко въ горахъ.

Рябой Грачъ легъ на солому. Еще два дня назадъ жандармской пулей ему размозжило кость руки. Рука теперь потемнѣла, разбухла, какъ будто налилась темной водой. У грача начинался Антоновъ огонь. Онъ тихо подозвалъ Голубку и отдалъ ему губную гармонику и книжку, которую, обычно читалъ по складамъ: потрепанную школьную хрестоматію Сабова. Голубка молча принялъ подарокъ умирающаго. Въ углу глухо кашлялъ Юрко...

Въ ту ночь Илько рѣшилъ спуститься въ долину, къ людямъ. Надо было вырываться изъ тисковъ жандармовъ, найти деньги, паспорта, и уходить всѣмъ. Илько никогда бы не пошелъ ни къ отцу, ни къ братьямъ, ни къ сестрамъ: онъ имъ не вѣрилъ, и они боялись его. Въ селѣ Рѣпенномъ была дальняя родня, лѣтомъ тамъ принимали его и предупреждали, гдѣ жандармы.

Ночью Лепей пошелъ въ Рѣпенное. Горная метель легла. Вѣтеръ съ Верховины разогналъ туманъ. Ясной и звонкой стояла зеленоватая январская ночь.

Лепей добрался по заднимъ дворамъ до знакомой хаты. Вошелъ. Огня не зажигали, говорили шопотомъ: въ селѣ жандармы. Лепею обѣщали четыре документа и деньги. Кто-то пошелъ посмотрѣть, можно ли выйти къ рѣкѣ. Вернулся, весь въ инеѣ, глаза свѣтятся, какъ у кошки:

— Можно. Спокойно иди.

Лепей покрался къ рѣкѣ. Мѣсяцъ стоялъ высоко.

Уже на льду рѣки мелькала легкая тѣнь Лепея, когда загремѣли съ берега выстрѣлы.

Онъ заметался подъ выстрѣлами, охваченный прозрачнымъ луннымъ дымомъ. Такъ мечется и загнанный звѣрь, бьется, осѣдаетъ на заднія лапы, слизывая кровь съ жесткой шерсти, подъ пулями.

Лепей припалъ на колѣна, раненый. Онъ отстрѣливался изъ ногана. Потомъ, то ложась ничкомъ на ледъ, то приподымаясь поползъ къ другому берегу.

Оттуда его встрѣтили выстрѣлы. Онъ былъ окруженъ. Тотъ, кто пошелъ будто бы посмотрѣть, можно ли ему идти рѣкой, донесъ о немъ жандармамъ.

Лепей попалъ въ засаду. Онъ уже не отвѣчалъ. Онъ ползъ. Онъ умиралъ. Онъ приподнялся на льду въ послѣдній разъ и выстрѣлилъ въ себя...

И когда онъ затихъ, изъ зеленоватаго тумана, съ

обоихъ береговъ медленно стали подходить къ нему люди, выбрасывая изъ затворовъ разстрѣлянныя гильзы

А черезъ три-четыре дня, на самой зарѣ, въ туманѣ, жандармы дошли до брошенной колибы на полонинѣ, послѣдняго убѣжища, гдѣ могли скрываться люди Лепея

Въ колибѣ не было никого. Давно погасъ огонь между камней, сухія вѣтви занесло снѣгомъ. На обмерзшей соломѣ лежалъ мертвецъ. Это былъ рябой Грачъ въ красныхъ штанахъ. Около его головы, въ соломѣ, жандармъ случайно раздавилъ сапогомъ оловянные очки.

А Юрко Клевца и Голубку такъ и не нашли.

Можетъ быть, ушли они въ Галичину или въ Семиградію, а можетъ быть, подъ чужими именами, за океанъ...

■●■

Въ Парижѣ, въ дождь, отражаются на влажномъ асфальтѣ синіе, оранжевые, сиреневые огни вывѣсокъ, и кафе.

Въ такой дождливый вечеръ, когда я поздно работалъ въ редакціи, пришелъ туда молодой человѣкъ. Подъ его влажнымъ европейскимъ пальто, я замѣтилъ русскую рубаху съ голубымъ шитьемъ. Это былъ верховинецъ съ Карпатъ. Подъ свѣтомъ лампы я замѣтилъ его круглый лобъ, тонкій носъ и маленькій ротъ. Мнѣ понравились его легкія руки. И его имя Осипъ Оласъ.

Въ тотъ вечеръ, и во многіе другіе, онъ разсказывалъ мнѣ о своей Карпатской родинѣ. Онъ долженъ былъ ѣхать надолго въ Америку и въ разсказахъ какъ бы прощался со Старымъ Краемъ, а для меня, русскаго эмигранта, его разсказы были неожиданнымъ путешествіемъ въ

новую землю, открытую мнѣ имъ, въ чудесное и сказочное русское отечество.

Оласъ разсказалъ и объ Илько Лепеѣ. Молодой верховинецъ Оласъ зналъ въ Хустѣ родныхъ Лепея.

— Скажите, а что сталось съ медвѣдемъ, прирученномъ Илько? — спросилъ я.

— Медвѣдь? Надо думать, ушелъ въ лѣса... Одичалъ.

Какъ въ музыкѣ бываютъ варіаціи, такъ и этотъ разсказъ варіаціи о Лепеѣ.

■●■

А когда Лепея хоронили въ селѣ Воловомъ, жена карпатскаго поэта Карабелиша бросила на узкій гробъ охапку полевыхъ цвѣтовъ.

Молодую женщину жандармы арестовали и допрашивали: не была ли сообщницей Лепея, если бросаетъ цвѣты на гробъ разбойника.

Вскорѣ ее отпустили. Потомъ всѣ волненія и тревоги утихли. Потомъ уже никто не приносилъ цвѣтовъ, и могилу забыли.

Только имя Лепея и теперь носится въ воздухѣ и о немъ разсказываютъ овчары на полонинахъ.

Горной тѣнью прошелъ Лепей высоко по Карпатамъ. И остались о немъ пѣсни. Оласъ принесъ мнѣ одну, какую поютъ и сегодня въ селѣ Сваливы.

Это прощаніе съ Лепеемъ Юрко Клевца. Юрко въ горахъ поднялся на самую высокую ель и все смотрѣлъ, ждалъ, когда вернется Илько, а потомъ понялъ, что не вернется, заплакалъ и запѣлъ:

Ой летѣли дики гуси, летѣли низенько
Тамъ забили Илько Лепея въ недѣлю раненько...
Якъ моего Лепея чешскіе жандармы забили,
Закуковала зозуля на тоненькой ели...
Течетъ рѣка кровава, ажъ до Воловаго,
Тамъ забили Лепейка, хлопца молодого...
Какъ несли селомъ его прострѣленное тѣло,
То каждому русинови сердце позамлѣло...

Могила Лепея недалеко отъ русскихъ и австрійскихъ братскихъ могилъ. Уже и травой она поросла, а люди видѣли, пріѣзжаетъ, что ни годъ, посмотрѣть на нее какая то молодая госпожа, надо думать, мадьярка, а съ нею молодой панъ, свой, русскій. Оба тихіе, въ черномъ.

Это были Кривцовъ и Елена. Странная сблизила ихъ судьба: карпатскій разбойникъ.

Кривцовъ нашелъ Елену въ Будапештѣ, и разсказалъ, какъ Илько спасъ его въ метели на Карпатахъ. Венгерка почувствовала довѣріе къ этому русскому человѣку, вѣрному знамени и кресту, испытавшему такъ много и съ такой суровой добротой переносящему всѣ испытанія.

У окна поѣзда, когда они осенью возвращались съ Карпатъ, бѣжали ржавыя поля, шли лѣса, какъ потоки румянаго холоднаго пламени, кружили воздушно-синія горныя вершины.

— Я попрежнему виню себя, — говорила Елена, глядя въ окно. — Если бы я рѣшилась тамъ, на вокзалѣ, просто и твердо рѣшилась уѣхать съ нимъ въ Америку, онъ былъ бы живъ... Я виню себя, но понимаю, что это

было невозможно, немыслимо. Два міра. Точно пропасть между нами. Кто-то изъ насъ долженъ былъ сломить свою жизнь ради другого. Онъ отпустилъ меня тогда изъ плѣна, съ Карпатъ. Не тронулъ, не сломилъ моей жизни. А я сама тоже не могла сломить мою...

— Я думаю, онъ такъ же все это понималъ, какъ вы, — сказалъ Кривцовъ. — Я думаю, вы ни въ чемъ не виноваты. И, простите меня, но я еще думаю, что простой верховинскій овчаръ и разбойникъ, — мой побратимъ Илько, — былъ вашей первой любовью... Она дохнула на васъ, коснулась и прошла. какъ вѣтеръ... Какъ вѣтеръ Карпатъ.

— Вѣтеръ Карпатъ... — Елена посмотрѣла на Кривцова.

Поѣздъ пѣлъ, проносились въ окнахъ нѣжно-сумеречныя, золотыя видѣнія карпатской осени.

Илько Лепей, видно, зналъ, что дѣлалъ, когда посылалъ письмо Кривцову, чтобы тотъ нашелъ панночку въ Будапештѣ.

— Вѣтеръ Карпатъ, — повторилъ Кривцовъ и тронулъ руку Елены.

Колеса подъ поломъ выстукивали мощно и торопливо:

— Вѣтеръ Карпатъ, вѣтеръ Карпатъ...

Иванъ Лукашъ.

IMPRIMERIE
DE NAVARRE
5, rue des Gobelins
PARIS 13e

